

Елена Александровна
Асеева

Коло Жизни. Бесперечь

Том второй

Елена Асеева

**Коло Жизни.
Бесперечь. Том второй**

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Коло Жизни. Бесперечь. Том второй / Е. А. Асеева —
«Издательские решения»,

Во втором томе книги «Коло Жизни. Бесперечь» вместе с главными героями Есиславой и Крушецем читатель посетит удивительные космические просторы и Отческие недра. Познакомится с волшебным народом, гипоцентавров, прибывших на Землю, для постройки пирамидальных комплексов. И увидит зарождение новых верований, традиций и самого народа, кьметов, продолживших после катаклизма жизнь человечества на нашей планете.

© Асеева Е. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	18
Глава пятая	21
Глава шестая	26
Глава седьмая	31
Глава восьмая	36
Глава девятая	40
Глава десятая	44
Глава одиннадцатая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Коло Жизни. Бесперечь
Том второй
Елена Александровна Асеева

*Посвящаю моему старшему сыну Григорию,
источнику научных догадок этой части книги.*

© Елена Александровна Асеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая

– Хотя бы быть уверенным, что с девочкой все благополучно. С девочкой и лучицей, – низко и нескрываемо недовольно протянул Небо, он зачастую так делал, когда был в присутствии Першего и желал, что-то вызнать.

Братья: Перший, Небо и Асил, ноне находились на космическом хуруле в многоугольной комнате блистающей почти голубым светом, и растерявшей почитай все свои облака, поблескивая гладью стен, свода и пола. Лишь на одной из стен, там где, судя по всему, имелся вход, иногда показывались косматыми вздутиями белые комы облака, однако также скоро исчезающие, будто пугающиеся негодующего взора старшего Раса.

Асил, как и Перший, ноне в черном сакхи с переливающимися на его материи тончайшими золотыми вкраплениями, при своем венце, где в наверхие единожды цвело и плодоносило платиновое древо совсем немного медлил с ответом. Погода несколько кособоко он глянул на смотрящего в его сторону старшего Димурга, верно вопрошая совета и только после того, как тот едва зримо кивнул, неторопко отозвался:

– Девочка жива и здорова... ее удел в руках Круча.

– Здорова? – несколько удивленно спросил Перший, точно все это время ощущал боль Еси и тому изумлению вторила змея в наверхие его венца, как-то дюже громко щелкнув пастью.

– Теперь здорова, – пояснил Асил и отвел взгляд, от лица старшего Димурга, несомненно, его прощупавшего, уставившись в стекловидную часть комнаты на космическую даль. – Бесицы-трясавицы ее излечили... Я лично, Отец, выслушал их доклад... Тот мальчишка он сильно покалечил девочку, да и Дажба оказался несколько груб.

– Дажба торопился, – незамедлительно вступился за сына Небо и досадливо дернул рукой, в сторону сидящего слева от него младшего брата, тем движением останавливая его молвь. – Малецк не ожидал, что Сириин-создание подаст столь четкие указания на него о спасении девочки... И в первый миг несколько так растерялся. Потому оставил ее одну на том берегу, не ведая как действовать дальше, когда же лучица подала зов, пришел повторно. Но девочки там уже не было, его кто-то опередил. Малецк по первому решил это был Стынь, но после догадался... Из мальчишки вроде высосали жизнь, а Стынь так никогда не действует.

– Это был наш любезный Круч, – в голосе Асила прозвучало мощное торжество, словно сын и впрямь содеял, что-то достаточное значимое в глазах всех Зиждителей.

– Он, просто умница, – мягко отметил Перший и благодушно оглядел младших братьев, нежно им просияв, и тем самым сняв какое-либо напряжение с лица Небо. – Надеюсь, ты, Асил, милый мой, похвалил его за расторопность... и впервые опробованные способности? – старший Атеф торопко кивнул. – Я рад, ибо наша кроха нуждается в поощрении... В твоём поощрении малецк... в твоей поддержке. Ты должен всегда сие помнить и более не допустить повторения пути Опеча. – Черты лица Асила мгновенно болезненно дернулись и с тем самым сотряслось платиновое древо в наверхие его венца, колыхнув каждым своим листочком. – Ты должен, – голос Першего многожды понизился, став вкрадчиво-липким, непременно, стараясь заползти в уши обоим младших, – должен понимать, как важен для твоей печищи Круч. Он теперь основа и будущее ее. Ты, всегда мой бесценный, хуже всех боролся за лучицы, и если бы не мои уступки. – Старший Димург прервался, его взгляд полыхнул особой мощью и с тем вроде как пригвоздил все тело младшего брата к креслу так, что замерло не только дымчатое облако под ним, но и весь он сам. – Не было бы твоей печищи... Потому я прошу тебя, ноне прояви особое участие в отношении нашей крохи.

– Я понимаю, что для меня значит Круч, – низко откликнулся Асил и малозаметно качнул головой, стараясь, вероятно, вырваться из оков сдерживающего его взора старшего брата. –

И выполняю все твои рекомендации, Отец... И Отеть, как ты и требуешь, всегда присутствует при нашем с Кручем толковании, хотя и почасту меня раздражает.

– Вот это и плохо, малецык, что раздражает, – произнес Перший и, наконец, выпустив из своего цепкого взгляда брата, точно в поддержку весьма нежно ему улыбнулся. – Надобно не раздражаться, мой бесценный... Все время себя контролировать... сдерживать... для тех нужд Отеть и была мною создана, и после обретения божественности Кручем тебе подарена.

– Коли бы я знал, что это такое дотошно-противное создание, никогда б не принял твой дар, – по теплому молвил Асил и широко заулыбался, отчего золотое сияние, поглотив желтовато-коричневый цвет кожи на лице, сделало его сродни Небо. – Даже пожертвовав нашими отношениями, дорогой мой Отец.

Днесь также купно засияла и кожа лица Першего, видимо, тем оценив шутку Атефа. Понеже Асил в отличие от Небо был всегда более прямодушен и нескрываемо любил Першего, признавая его власть над собой. Он никогда не просил старшего Димурга об уступках, никогда не облыжничал, всегда действуя открыто и достаточно ясно. И все уступки Перший вершил исходя из собственных замыслов. То, что меж братьями произошла размолвка в отношении Круча, скажем так, оставалось на совести Родителя... и при поддержке... при жестком давлении последнего на Асила. Хотя старший Атеф и выполнил указанное Родителем, весьма переживал о случившемся разладе меж ним и Першим и до сих пор чувствовал свою вину пред ним, словно ответил на его чуткость, добро особой неблагодарностью. Потому после перерождения Круча, когда Перший первым прибыл к нему на кумирню, где малецык восстанавливался после Коло Жизни, не только сделал все, чтобы загладить произошедшее огорчение, но и безоговорочно принял поставленные старшим братом условия по воспитанию сына. В том числе, и тот самый дар, в виде Отети.

– Замечательное создание, – все тем же поучающе довольным тоном продолжил толкование старший Димург, и слегка откинувшись назад приткнул голову к грядущке кресла, чуть-чуть прикрыв очи, однако оставив на левом тонкую щелочку, чтоб все время наблюдать за зримо недовольным Небо. – Его надо было создать для тебя многожды раньше, и тогда не свершилось тех тягостных ошибок. Потому как Круч нежный, хрупкий Бог, с ним надо уметь обходиться. К нему, как и к Огню, Дажбе, – теперь Перший, явственно говорил и для Расы, посему тот малозаметно шевельнул правой рукой, вогнав перста в глубины облокотницы дымчато-голубого кресла, на котором восседал в своем белом сакхи и мощном венце. – Надо найти подход, а не говорить» чего ты растерялся... надобно вернуться моя драгость», – процитировал Димург однозначно молвь Небо, посему у последнего кожа лица много побледнев, утопила в белизне всю золотистость при том купно живописав паутинные сосуды, ажурные нити кумачовых мышц и жилок. – Нужно вспять похвалить, поддержать, и лишь потом скрыто подсказать. Как можно больше внимания и любви, оно необходимо не только Кручу, но и Дажбе... И даже если где-то явный просчет, ошибка, на это не следует указывать, аль поправлять, стоит принять, как есть... Грубые! вы оба такие грубые, – нежданно жестко молвил Перший и той строгой фразой, обрывочно-брошенной, враз снял досаду с лица Небо, и придал тревоги Асилу. – Если с Кручем или Дажбой, что-то произойдет... Родитель, мне давеча объявил, он того от вас, малецыки, более не потерпит. Накажет обоих, не ведаю как тебя Небо, но про Атефов сказал вельми четко. Сказал, что печища брата более не будет существовать, а сыны также, как и он сам, перейдут под мое начало... И хотя я пытался оспорить данное решение, но в этот раз, поверьте, оно стало не по силам, ибо Родитель меня выгнал. Выгнал... Дотоль высказав все про лучицу, вероятно, накипевшее.

Перший резко смолк, и легохонько затрепетали его полные губы, а змея в венце дуже сердито оглядела сидящих напротив ее носителя Богов, точно в высказанном Родителем были повинны только они. В зале на малость наступило отишье... оно отозвалось от наклонно схва-

ченных меж собой стен, отхлынуло от стеклянного окна, и качнула не только деревцо в венце Асила, но и миниатюрную систему в навершие венца Небо.

– Я только не понял, – перебивая плавающую округ тишину, вставил Рас. И было зримо, что Бог жаждал перевести тему разговора, в более выгодное для него русло, чтобы его не поучали при младшем брате, абы того он не любил, а напротив оказались пред ним виноватым. – Не понял Перший, зачем вы выпустили севергу в спутник. Почему Родитель ничего не стал пояснять мне, лишь сказал, чтобы хурул находился в готовности.

В его глазе слышимо звучало огорчение. Теми переливами своего бас-баритона, не менее мощного... властного чем у Першего, в который, одначе, Небо всяк раз находясь подле Димурга, вплетал нотки подчиненности, непререкаемо соглашаясь со старшинством брата и тем самым, несомненно, пользуясь. Вот и сейчас волоконца огорчения были столь очевидны, что Перший торопливо раскрыл оба свои глаза и нескрываемо обеспокоенно оглядел Раса.

– Это, мой бесценный, не ко мне вопрос надобно обращать... лишь к Родителю, – не менее спешно откликнулся Димург и, теплотой взора, на первый взгляд такого темного, словно густотой ночного неба окутал расстроенного младшего брата. – Замыслы были Родителя, как ты понимаешь. Он хотел посмотреть на реакцию и поступки младших сынов, особенно Стыня и Дажбы... Так как вельми обеспокоен, их не здоровой привязанностью к человеческому. Впрочем, насколько я его понял, остался доволен поведением Дажбы и, конечно, нашей милой крохи, Круча.

– А Стыня? – тревожно поспрашал Асил, так как всех Зиждителей до сих пор дуже волновало здоровье младшего Димурга.

– Мне, представилось, Стынь был несколько неадекватен... не управляем, – задумчиво произнес Перший, и рывком подняв левую руку от облокотницы кресла, перстами огладил грань своего округлого подбородка, придавая в том месте особое золотое сияние кожи. – И я, всполошившись, перевел его в коматозное состояние, но Родитель сказал, данное действие оказалось лишним. Малецкык вполне здоров и бодр, просто несколько нами избалован, посему и требует своего.

– Он просто своевольник и упрямец, наш драгоценный Стынь, – полюбовно протянул в отношении младшего Димурга Небо и легохонько улыбнулся, отчего затрепетали кудерьки волос в его усах, прикрывающих уста. – Как и все твои сыны, брат... Как наша бесценная лучица. Ведь, очевидно, гибель континента, близких девочки людей были задуманы Родителем для нее.

– Не люблю я. Вельми не люблю такие вещи, – нескрываемо огорченно отозвался Димург, и самую толику качнул головой тем самым потревожив покой змеи в навершие венца. Понеже дотоль мирно почивавшая, она разком раззявила свою пасть, и, выкинув оттуда раздвоенный почти голубоватый, в тон стенам залы, язык ощупала пространство округ себя, при том, право молвить, так и не отворив глаза. – Можно было обойтись меньшими потерями, но Родителя сложно переубедить... Он одним замыслом жаждал наполнить чувствами плоть девочки, и пронаблюдать за Стынем и Дажбой. И если малецыками остался доволен, то явственно разочарован поведением лучицы... Не знаю, что ему там передает Сирин-создание, но Родитель велел мне поговорить о девочке с тобой Асил. И предложить тебе прощупать девочку, заодно и осмотреть лучицу, только, как и понятно, лишь на Земле. Родитель боится, что с лучицей происходит не ладное... Может опять началось отключение, потому как действие плоти какое-то несоответствующее общим поведенческим нормам ее естества.

– Хорошо, Отец... Я сам осмотрю лучицу, раз этого требует Родитель... Но может просто Есинька, так переживает гибель близких ей людей, не более того? – спросил не громко Асил, и сей же миг дрогнула каждая частичка его тела, и весь он туго качнулся вперед, подобно охваченный волнением.

– Может... Мне трудно, что-либо сказать..., – едва слышно додышал Перший и медлительно перевел взор на старшего Раса, выжидательно на него уставившись.

– Что? – днесь явное негодование проплыло не только в брошенном слове, но и во всей напряженно-замершей фигуре Небо. – Коли Родитель того требует, как я посмею противоречить Его распоряжениям... Конечно, если необходимо, я разрешаю Асилу прощупать девочку и лучицу.

– А зачем об этом сказывать таким гневливым тоном, словно оно мое распоряжение? – достаточно мягко спросил старший Димург и легохонько вздел вверх плечи, таким образом, выражая недопонимание. – Это не моя прихоть... желание... Ежели б я исполнял свои замыслы, мой милый малецык, был подле меня ноне... ноне, – с особой порывистостью отозвался Перший и глубоко вздохнул, однозначно трепетанием всей плоти успокаивая свою горячность и горячность младшего брата. – Родитель... Родитель все делает по своему и совсем не желает слушать меня в отношении лучицы, иноредь наказывая меня за давешнее своеволие... Тем самым делая больно не только мне, но и нашей бесценной лучице. Может потому ноне у нее такое несоответствующее поведение. – Димург медлительно вздел вверх руку и огладил поверхностью длани кожи на лице, перстами смахнув с очей, точно сетчатое плетение паука.

– Если бы с лучицей, что-то происходило, она, безусловно, подала зов, – наконец, озвучил свое недовольство молвью Небо и вельми сердито зыркнул на младшего брата, будто тот был в чем повинен пред ним. – И, несмотря на мощь щита, что установил Асил над одной из долин на континенте своих отпрысков, мы бы этот зов услышали. Ибо даже сейчас, когда лучица такая юная, он довольно-таки звучный. Последний поданный, и вовсе оглушил Дажбу. Представляю, какова будет его могучность в следующей плоти.

– По поводу следующей плоти, – торопко перебив брата на полуслове, произнес Перший, и, убрав от лица руку, многожды степеннее посмотрел на Богов. – Родитель велел определиться с соперниками как можно раньше. Тем паче существование этой плоти не будет долгим, о том окончательно мне доложили бесицы-трясавицы. И вряд ли девочка достигнет тридцатилетнего по земным меркам возраста. Родитель прямо так и велел, назначить в соперничество старших сынов, более крепких. Потому, я думаю, от нас станет вести соперничество Вежды.

– А, что толку... кого не назначь, все равно сыны будут действовать во благо твоей печищи, Перший, – и вовсе нескрываемо обидчиво произнес Рас, и на лбу его залегла одна довольно-таки глубокая морщинка, сделав Бога зараз много старше. – Стоит им почувствовать смурь лучицы по тебе.

– Ты в той смури упрекаешь, что ли брата? – незамедлительно поспрашиванием дыхнул Асил и купно свел свои черные, прямые брови, явственно начиная гневаться. – Так ту смурь по Першему... по нашему Отцу ощущают не только сыны, но и мы с Дивным... Ты просто Небо делаешь вид, что не замечаешь, как Дивный нуждается в поддержке Отца.

Отца... Не только сыны величали так Першего, но и все три старших Бога, вкладывая в сие понимание по мимо его старшинство, трепетное, полюбовное, поучающее отношение кое он всегда проявлял к ним.

– Тише... тише, малецыки, – непререкаемо властно проронил Димург, узрев, как полыхнули голубыми переливами света очи одного брата и сузились почитай до карих треугольников радужки глаз иного. – Не будем по мелочам горячиться, не надобно... Вы мне все очень дороги. Не только сыны. Не только ты, мой бесценный, Асил, аль малецык Дивный, но и мой любезный Небо. Днесь по поводу Родителя, могу пояснить одно. Он требует участия в соперничестве старших сынов, потому как они более крепкие и сумеют вынести безболезненно столь мощные выбросы зова лучицы, кои как ты понимаешь, милый Небо, в жизни следующей плоти усилятся... Но ежели ты, бесценность, не хочешь, чтобы в соперничестве участвовал Седми, пусть будет Воитель.

– Седми, – усмехнувшись, вельми умягчено молвил Асил. – Уж кто будет находиться в лучшем положении, так только Седми и Расы. Ибо все знают, как мягок Велет, тем более после давешней размолвки сынов. Велет и вовсе не может чего против слов Седми сказать, дотоль трепетно к нему относился, а теперь и того подавно. Каждое трепетание губ Седми на лету ловит. Ну, а Вежды...

– Вежды очень любит Седми, в целом, как и всех младших братьев, – закончил за Атефа старший Димург, узрев, что лицо Небо, будто объяло злато-рдяным сиянием. Вероятно, Рас, как почасту делал, захотел сказать младшему брату какую грубость.

– Ну... Седми, так Седми... Как скажешь Отец, – более миролюбиво протянул Небо, может не столько соглашаясь с доводами старшего брата, сколько опасаясь, что прознав про его недовольство, Седми сызнава начнет с ним конфликтовать, будучи по природе мятежным Богом.

– Значит, договорились, – ласково отметил Перший, и тем теплом слов огладил лица братьев и сами стены залы так, что из той глади стали вылезать круглые, водяные пузыри и медлительно набухать. – Асил побывает на Земле, осмотрит лучицу, прощупает девочку и доложит о состоянии их обоих Родителю... нам же...

Старший Димург нежданно смолк и напряженно замер, абы резко пробудившаяся в венце змея, теперь сползла с наверхия, и, заструившись по ободу, достигла его уха. Казалось чудное создание, не просто сунула розовый язык в ухо Бога, она втиснула туда часть своей треугольной головы и, определенно, зашипела. Аль то зашипели лопающиеся повдоль стен водяные пузыри, наполняя залу шелестящим звуком, мерным вибрированием вращающейся в венце Небо миниатюрной солнечной системы, и сладковатым ароматом благоухающих в наверхие древа Асила маханьких цветов.

Глава вторая

Есинька меж тем все еще подергивала конечностями. Скрутившая ноги и руки корча, степенно оступая, словно утягивала за собой и саму жизнь из девушки. Сияние теперь уже густо смаглое продолжало рывками вибрировать, вероятно, также захлебываясь кровью текущей сразу изо рта и носа Есиславы. Яркое, ноне прямо-таки золотое полыхание наполнило разом весь лес и резво проявившийся в нем Стынь шагнув к юнице, в доли мгновения подняв ее на руки, прижал к груди.

– Стынь?! – взбудоражено дыхнул возникший мигом позже Круч и вскинув голову изумленно оглядел раскинувшийся в вышине над кронами деревьев дымчато-плетеный, точно из волоконцев тончайших растений блекло-зеленоватый щит, с разбросанными по его сквозному полотну махами голубыми колокольцами. – Как ты сюда попал?

– Пришел, как ты понимаешь не без помощи нашего Отца, Господа Першего, – мягко отозвался Стынь, и с теплотой взглянул на того, кто был ему не менее близок чем Крущец. – Круч, посмотри Еси умирает, – болезненно добавил он, и долгим рукавом черного сакхи смахнул с лица девушки юшку и кровавую пену. Торопливо приложившись губами к ее лбу, и тем давлив смаглое сияние лучицы в глубины головы юницы.

– Умирает, – тревожно прозвенел, моментально став высоким голос Круча и он немедля шагнув к Стыню, обхватил руками голову Еси да также приник губами к ней, только не ко лбу, а к макушке, единожды с тем коснувшись волос Димурга.

Прошло не больше минуты, когда доселе вибрирующее сияние, выбрасываемое из головы Есиславы, также рывком осело, словно Крущец потерял сознание... отключился... аль ослабил давление на плоть... А может все же сама плоть ощутила подле себя того, кого любила. И той минуты хватило, чтобы Есинька вернулась к жизни, ее тело, судорожно вздрогнув, будто завело биение сердца и колыхание легких. Девушка зримо туго вздохнула, и с перебоем застучавшее в груди сердце, вернуло блекло-белой коже лица рдяной румянец.

Стынь медленно отвел губы от лба юницы и внимательно всмотревшись в ее лицо, по-видимому прощупал.

– Отключилась... Лучица отключилась, – все также тихо молвил Стынь, видимо, страшась спугнуть биение жизни в Есиславе. – Наверно переутомилась.

Он теперь все с той же степенностью воззрился на Круча, не успевшего отвести губ от макушки головы девушки. И у младшего Атефа разком прерывисто затрепыхали тонкие паутинные сосуды, жилки и нервы под кожей лица, очевидно Стынь прощупал и его. Впрочем, вельми грубо, как делал почасту.

Нынче на головах Круча и Стыня, не восседали венцы, а значит, они не были защищены от проникновения в собственные мысли старших. И коль Димургу... тут... в лесу ничего не грозило, то Атеф, как младший, оказывался не огражденным от силы брата.

– Ее не надобно заставлять в такой грубой форме выходить замуж за Омонэква, – протянул неспешно наполняя объемом свой голос Стынь. – Надо было отступить вашим отпрыскам от традиций, не Еси. И потом Круч ты, должен знать девочка уже любит и не может принадлежать иному... Разве она тебе о том не сказывала?

– Любит, – в тоне младшего Атефа просквозило удивление и какая-та вялость, перемешавшаяся с огорчением. Он медленно отпустил голову Еси испрямился и уставился на Стыня. – Нет, девочка мне ничего не говорила. Она мне не доверяет, так как тебе, ибо чувствует мою слабость.

– Это не слабость, бесценный мой малецык, просто ты еще очень юн... дитя.., – трепетно произнес Стынь и переложив девушку на левую руку, протянул правую в направление Круча, и нежно притулил ладонь к его щеке. – Все придет со временем и способности, и силы. –

Димург явственно ощущал свою значимость в отношении младшего Атефа и сие не только демонстрировал, но и толковал о том. – Ты итак много добился. Вспомнить лишь, как спас Еси от той дряни, что избил ее... Ты, умничка, умничка, мой милый, дорогой. Однако, по поводу Еси, замыслы Асила не верны. Он, судя по всему, не ведает о чувственности девочки, потому ты сам... Сам должен ее прощупать, поколь лучица отключена и плоть в глубоком обмороке.

Теперь Стынь переместил голову Еси так, чтобы лицо ее непосредственно находилось под нависающим подбородком Круча. Вместе с тем он, слегка обхватил подбородок Атефа правыми перстами, наклонив его голову, таким побытом, что взор Бога мгновенно упал на лоб девушки. И тотчас ромбовидные зрачки в очах Круча, многожды увеличившись, поглотили темно-карие радужки, заполонив своей формой и всю склеру.

– Ты, – погодя дрогнувшим гласом установил Круч, и, оторвав взгляд от лица девушки, переместил его на старшего брата. – Почему любит тебя, Стынь? Разве такое может быть?

– Конечно, может, мой любезный. Ты же помнишь у кого потомство от Владелины, – незамедлительно ответил старший Димург. – Но я к тому не прикладывал усилий, видимо на девочку так влияла лучица. У которой смурь по нашему Отцу не проходит.

– Отец, – полюбовно протянул Круч и широко улыбнулся, вероятно, ощущая ту смурь по Першему и внутри себя.

– Отдай мне девочку малецык... Ей нужен я, – умягчено попросил Стынь и голос его дрогнул, словно он уловил проскользнувшую грусть в Атефе и теперь желал этим воспользоваться, действуя, обаче, лишь в границах соперничества. Тем не менее, стараясь облыжничать младшего брата. Круч, впрочем, торопко мотнул головой, и тем самым стряс со своего подбородка руку Стыня, каковая медленно сползла и притулилась к голове юницы. – Ежели, ты ее не отдашь, – вкрадчиво произнес Димург, и теперь дрогнула и вся его плоть, вроде страшась за удел девушки. – Она умрет. Если не сегодня, так завтра... Разве ты не понял, что Еси убежала от тебя, мой дорогой. Убегала, чтобы погибнуть. Она не желает себя прощать и думает, что является повинной в гибели Дари. Но если ты еепустишь, я отнесу ее к Липоксай Ягы, и он сумеет ей помочь... поддержать.

– Липоксай Ягы жив? – взволнованно спросил Круч, и в очах его блеснула неприкрытая радость, а затрепетавшие перста нежно огладили кожу лба и щек на лице девушки.

– Да, жив, я его спас, – разком и дуже обрадовано пояснил Стынь, понимая, что нашел прореху в Круче и теперь непременно старался ею воспользоваться. – Он жив и ждет Есиньку, так как я обещал ему ее вернуть. Ему и тем дарицам, каковых я сумел укрыть в Африкии. Послушай Круч, коли ты мне отдашь девочку, я отнесу ее к Липоксай Ягы, и подарю ей свою ласку и нежность. И тогда она оживет, я в том убежден. А ты, сможешь приходить к ней всегда когда того захочешь.

– Коли ты ее унесешь, не иначе, укроешь, – разумно отозвался Атеф и чуть зримо усмехнулся, но так по-доброму... благостно, словно уже решил все для удела Есиньки. – Укроешь и мне никогда не пробиться сквозь тот щит, даже если его установишь ты, я уже не рассказываю про Отца.

– И не надобно будет биться, – голос Стыня обрел присущую ему властность и силу, в целом, как и вся фигура Бога, став, похоже, многожды крупнее Круча. – Я оставлю тебе проход, укажу, где он есть. И об этом кроме меня, тебя и Отца никто не будет знать. Ибо Отец... Перший... не будет против, чтобы ты приходил к девочке.

– Асил меня прощупает и все о том вызнает, нет в том никакого смысла, – и вовсе почитай прошептал Круч и резко смолк.

Замолчал днесь и Стынь, не смея нарушить думы младшего брата, впрочем уже ощущая, что тот в любом случае пойдет на уступки... надо того дожидаться. А Круч с нежностью оглядев покрытое испариной лицо девушки, перевел взгляд и обозрел окружающий их лес. Купно в том гае росли махонистые дубы, каштаны, клены, окутанные мощными ветвями и плотными

рядьями зеленых листов. Низкие, одначе, с не менее толстыми стволами дерева на ветвях, которых росли гладкие, кожистые листы с низу буроватые и малость опущенные к долу, прижимисто охватили собой все свободное пространство леса. Деревья, знаемые и не знаемые Есинькой, наполняли своей скученностью весь этот, кажется, даже и природой чуждый край. Верно, в божественном шаге по земле протекал узкий ручей, узбой которого устилали гладкие голыши, а здоровущие валуны охраняющие подступы к нему были опаханы со всех сторон яркими зелеными мхами. Где-то и вовсе близко, в кроне деревьев звонко наигрывали песенные мотивы птицы... долетали до слуха Бога окрики диких зверей живущих в этих лесах и долине. Тихо раздавался гортанно-холодные разговоры манан, так и не понявших почему Алгома не пожелала выполнить повеление Великого Духа и обрести радость иметь семью и такого заботливого, достойного мужа как Омонэква.

– Хорошо, – молвил Круч и глаза его заблестели темно-карими переливами точь-в-точь, как у их общего Отца, Господа Першего. – Я разрешаю тебе, брат, ее забрать. И согласно предписаний соперничества в присутствии Сириин-создания передаю удел Есиславы в твои руки.

Яркий шар почти пурпурного света, нежданно возникнув из ничего, на доли мига наполнил сиянием обоих Богов и плоть девушки, утверждая принятое младшим Атефом решение, и также резко погас. Круч вздел вверх руку, устремляя перста в небосвод, и порывчато ими дернул, тем движением рассекая тугие нити щита созданного Асиллом, на самом деле видимый лишь Зиждителями. Пронзительный скрип наполнил не просто весь лес, а, похоже, и всю лощину, так словно раскат грома прокатился слишком низко, и паутинчатый сводверху над гаем разошелся в стороны, образовав широкий проход. Ибо чрез щит хоть и мог проникнуть Стынь, одначе никак не сумел бы вынести саму драгость, ради которой он и создавался.

– Спасибо, милый мой малецык, – голос Стыня благодарно огладил черные жесткие волосы младшего Атефа, разделенные на два пробора и схваченные в хвосты.

Круч в ответ малозаметно кивнул и в мгновение ока Димург золотой искрой пропал из леса. Атеф, еще немножечко оглядывал медлительно сползающиеся меж собой стенки щита, чуть слышно поскрипывающие и потряхивающие бубенцами, тем самым сообщаящие своему создателю о прорехе, а после, благодушно просияв, и сам исчез почитай красной каплей с глаз.

Глава третья

На одном из спутников четвертой планеты в особой постройке величаемой Богами батурой принадлежащей печице Атефов ноне правила тишина. Смолкли не только многочисленны́е создания, населяющие и осуществляющие за ней присмотр... молчало и само судно, напоминающее собой форму огромного каменистого утеса с весьма развороченной, словно грубо выколотой вершиной. Все и всё, что наполняло батуру днесь благоразумно сокрылось с глаз старшего из Атефов Бога Асила, каковой несмотря на мягкость иногда бывал дюже гневливым. Тишина такая плотная, непроницаемая витала в многочисленных галереях, расписанных листами, плодами, увитых ветвями аль изогнутыми корневищами... Она наполняла и сами комнатки, горницы, светелки... И особенно тучно поселилась в центральной его части, самом крупном по размеру зале, где задумчиво сидел Круч.

Это было хоть и не высокое, однако достаточно широкое помещение, по форме схожее с овалом, в котором и пол, и потолок смотрелись ровными и гладкими. Лишь плавные линии стен, будто напоминали собой усеченное яйцо. Их цвет перемещал в себе сразу два сияния бурый и густо-зеленый, порой и вовсе приобретая почти темно-коричневый. Сияния не просто полыхали, они кружили по стенам, инолды степенно спускаясь от потолка к полу. Потолок же вспять казался недвижимым и таил в себе бледную голубизну неба, оттеняемую серыми тонкими, паутинчатыми волоконцами растянутыми поверх него и формой своей соответствующей боляхной шестиконечной звезде, на кончиках которой висели крупные шары, перемещающие в собственных глубинах радужность света. Гладкий пол в зале явственно выложили розовым с вкраплениями голубого цвета мрамором. Только это смотрелись не отдельные ее куски, а цельная без каких бы то ни было стыков плита. Посередь залы находился не менее значимого размера пенек, с высокой и широкой щепой торчащей с одного его бока, похоже, заменяющей как таковой ослон. Множество тонких, толстых корней опоясывая сам пенек, чуток приподнимали его на общем уровне пола, и, расползаясь в разные стороны своими витиеватыми отростками городили и саму гладь мрамора. Сие были мощные в размахе корни, вроде с лощеной, отполированной орехового цвета поверхностью, изредка как-то дюже чудно переплетенные меж собой и с тем образующие сидения со спинками.

На одном из таких сидений и расположился Круч, нынче в коричневом сакхи, на удивление весьма помятом. Бог и сам был вроде опущенным и зримо расстроенным. Нежданно сияние на стене в том месте, что смотрелась более вытянутой формы, живописуя макушку яйца, резко вздрогнуло. Еще мгновение бурые и густо-зеленые цвета на нем сменились на лазоревый, а блеснувшее лучами зарево, точно выплонуло из себя удивительное создание.

Небольшое творение, по-видимому, не выше ростом, чем Есинька вельми было схоже с человеком, в частности с толстой, можно даже молвить жирной женщиной... такого неопределенного возраста, хотя однозначно не молодого. Выпученный живот, вроде как она ко всему прочему находилась еще и на сносях, и вовсе делали не понятливыми ее лета. Однако, имея тело, конечности, голову создание этим походило на людское племя. На голове у того существа, кое величали Отеть, волосы топорщились в разные стороны и больше напоминали короткие отростки растений, уже давших поросль, потому и переплетались они столь густо, что создавали нечто в виде зеленых взлажмоченностей. Человеческое тело было много меньшей формы в сравнение с конечностями, вроде его Творец нарочно заложил ту значимую удлиненность рук и ног, сделав саму Отеть достаточно не пропорциональной. Кожа на лице, теле, имела желтоватый оттенок и, казалась зримо влажной, вроде создание, относимое к племени нечисть, дюже сильно потело так, что порой на щеках выступала капель водицы. Достаточно приятным, хотя и плоской формы смотрелось лицо, где почитай не имелось как таковых надбровных дуг и скул. Вместе с тем мягкими, плавными оставались все его черты, скосы, чуть вздернутый

небольшой нос, пухлые ярко-красные губы. Удивительными у Отети были по форме и тональности цвета глаза. В отличие от человека они имели ромбического вида прорези, с явственными ровно очерченными сторонами и углами, расположенными не горизонтально надбровным дугам, а вертикально. Потому их уголки вдавались соответственно в щеки и лоб нечисти. Голубизна их цвета наполняла полностью весь глаз, поигрывала легкой зябью, а квадратный зрачок точно плавал в тех волнах... к изумлению, перемещаясь то вправо... то влево, не соблюдая какой-либо синхронности движения с иным зрачком, в соседнем глазе. Отеть была обряжена в зеленый сарафан сшитый из нескольких полотнищ ткани, с широкими лямками края которых украшал мельчайший, желтый янтарь да желтую рубаху, со стоячий воротом расшивной золотыми нитями. А на стопах ее красовались зеленые, один-в-один как у дарицев, калишки.

Войдя в залу Отеть, торопко огляделась, а заметив зримо расстроенного Круча направилась к нему, зараз делая огромные шаги, своим долгими ногами.

– Бог Круч, – нежным, воркующим голосом обратилась нечисть к Богу, присаживаясь на вывернутый дугой корень, подле его ног. – Бог Асил хочет с вами поговорить... И прислал меня, узнать желаете ли вы с ним встречи. С вами все хорошо? Вы не хвораете? Ни чем, ни опечалены?

– Лишь тем, что мог огорчить Отца... Асила, – медлительно отозвался Круч, и в очах его блеснуло волнение. – Думаю, Отец и гневался на батуре ноне, потому что я изменил его замыслы и поступил по своему.

– Нет. Бог Асил гневался не из-за вас, – незамедлительно молвила Отеть, которой было дозволено и соврать, коль сие касалось состояния Круча. – Он гневался, потому как Бог Усач прислал дурное известие... В Галактике Крепь появилась межзвездная круговерть и теперь Богу Асилу придется вас оставлять и срочно лететь на помощь вашему брату... А вы ведь знаете, как не любит вас оставлять Бог Асил. Тем паче это запретил делать Господь Перший.

– Круговерть? – переспросил младший Атеф и пронзительно воззрился в лицо создания так, что у того мгновенно увеличились в размерах очи и уголки последних въехали в виски.

– Ага, круговерть... Наверно вас придется пока отправить на маковку четвертой планеты, к Господу Першему, ибо Бог Асил тревожится, что его отсутствие затянется... Посему Бог нынче и гневался, – продолжила толкование Отеть и закивала своей круглой головой самую малость, сплюсненной в макушке и немножко вроде растянутой в районе щек. – Так, что я могу позвать сюда Бога Асила, абы вы обсудили его отбытие, и коли вас беспокоит произошедшее с госпожой Есиславой.

– Конечно, можешь, – вяло отозвался Круч, словно не очень доверяя молви Отети или все же ощущая за собой вину. – И вообще не зачем, чтобы Отец о встрече со мной договаривался через тебя... к чему это?..

Впрочем, Отеть уже вскочив с корня побежала в направлении того места в стене, чрез кое и появилась в зале. Однако, на этот раз она не покинула помещение, а лишь всунув голову, право молвить, точно тюкнувшись в сияние, на доли мига замерла. Таким образом, что бурая полоса, поглотив ее головешку и до середины грудь, оставила со стороны залы токмо другую половину туловища и конечности. Также резко, как Отеть вогнала в стену себя, минуту спустя, она вырвала из недр сияния свою голову и развернулась в сторону Круча. А бурое сияние в стене, медленно сменилось на густо-зеленое, после сызнова полыхнула лазурь и в залу вступил в зареве света Асил. Он неспешно оглядел само помещение, и с теплотой воззрившись на сына, весьма скорой поступью направился к пню, что воочью замещал собой его трон, да тотчас следом за ним поспешила Отеть. И если старший Атеф воссел на свой трон степенно, то создание гулко плюхнулось на завиток корней подле ног Круча.

– Отец, – молвил Круч, он явно страшился, что Асил ему станет высказывать и, чтоб того не допустить заговорил о менее значимом. – Зачем, ты, всяк раз свою встречу со мной обговариваешь через Отеть... Разве невозможно данное правило никак изменить?

– Нет, мой милый, никак. Перший на том настаивает. И я не стану менять, что-либо из распоряжений брата, – очень мягко пояснил Асил, и, опершись об ослон-щепу пенька, нежно улыбнулся сыну. – Знаю, все указания нашего Отца направлены, або тебе, моя любезность, было хорошо. Я, что хотел тебе сказать...

– Прости, – нежданно резко перебив старшего Атефа на полуслове дыхнул Круч, и закрыл лицо расставленными ладонями, стараясь сокрыть свои чувства. – Прости Отец, что расстроил наши с тобой замыслы по поводу Есиньки. Но я уверен, что поступил правильно... Ибо девочка... плоть умерла... Я дотронулся до нее, но сердце не билось, она не дышала... И знаешь Стынь был прав лучица отключилась, никак не откликнулась на наше с ним присутствие.

– Мой драгоценный... малецык... что ты? – полюбовно протянул Асил... и легохонько стукнул дланью по поверхности своего трона, оный также, как и корни, наблюдался гладким.

И немедля сиденье, на котором расположился Круч, энергично дернулось. Корень, что его удерживал, принялся чуть слышимо покряхтывая, втягиваться в поверхность пня. При этом само сидение вместе с Богом начало медленно приближаться к трону. Шибутно качнулась сидящая в ногах Круча на изогнутом корешке Отеть и повалилась в образовавшуюся прореху, гулко плюхнувшись на гладь мраморного пола.

Сиденье медлительно поравнялось с тронном старшего Атефа, остановив свое движение в непосредственной от него вблизи. Асил торопко обвил руками голову сына, и, притянув его всего к себе, прижал к груди, с тем облобызав лоб и кончики его тонких конической формы перст.

– Мой бесценный, драгость, любезность... что ты... – умягчено дыхнул Асил, все еще трепетно прикасаясь ко лбу сына и с тем вспенивая на его коже золотое сияние. – Ты не расстроил наши замыслы. Поступил, несомненно, правильно, не стоит так расстраиваться, ведь я давеча говорил. Зачем, сызнава поднимать это толкование.

На ноги зараз вскочила Отеть, и, повернув в сторону Бога голову, мощно полыхнула нежданно ставшими почти пурпурными очами. Черты ее лица дуже неприветливо исказились и сама кожа пошла крупными пурпурными пежинами. Нечисть стремительно вскинула вверх руку и наотмашь вдарила себя по лбу. Те действия создания окромя Асила никто не видел, потому как Круч сидел к Отети спиной. Впрочем, и старший Атеф по первому на них никак не отреагировал, лишь резко смолк, иначе, продолжив голубить рукой волосы сына и явственно... степенно наполняться гневом. Поелику не только коричневые радужки его глаз многажды расширившись и побледнев приобрели желтый цвет, но и тягостно сотряслось платиновое деревце в венце принявшись окрашивать в красные тона не только листочки, но и плоды. Отеть сызнава шибанула себя по лбу дланью, а после на мгновение замерла. Но, вероятно, всего-навсе затем, чтобы предав положенный цвет своей коже и глазам, очень властно сказать одноприродным, бас-баритону Першего, голосом:

– Прекратите сей же миг гневаться Бог Асил... То недопустимо обок младших Атефов... Возьмите себя в руки и глубоко вздохните.

– Я гневаюсь только на тебя, противное создание, – незамедлительно отозвался Асил, и крепче прижав к груди сына, точно сокрыл его от собственного недовольства. – Чего ты тут кривляешься, нешто сложно сказать, что хочешь... Зачем всяк раз так юродствовать, смотреть на тебя противно.

– Значит надо еще раз глубоко вздохнуть, а после выдохнуть, как учил вас Господь Перший, – все тем же голосом старшего Димурга отозвалось создание и само вторя своим словам неспешно задышало.

– Ох, если бы не Перший... не Отец. И не мое ему обещание, уже бы давно тебя испепелил, – тягостно добавил старший Атеф и медленно расплел свои руки, очевидно, собираясь, не обращая внимание на создание, продолжить толкование с сыном.

– Не спешно вздох... выдох... Гнев надобно уметь скрутить, не должно, чтобы он вами владел, – дополнила Отеть, переходя с бас-баритона на нежный, воркующий голос, не сводя взора со степенно приобретающего ровное золотое сияние лица Асила.

Старший Атеф выпустив из объятий Круча, легохонько отодвинул его от себя и ласково оглядел. Несмотря на несколько эмоциональное поведение Отети, благодаря ей Бог уже сообразил о допущенной в разговоре с сыном ошибке и теперь постарался ее исправить.

– Малецк, – молвил старший Атеф, и нежно огладил кожу щек сына кончиками пальцев. – Мы условились с Першим, что я осмотрю девочку и лучицу, так нам повелел поступить Родитель. Потому что поведение плоти о котором ты мне докладывал не есть нормальное. Это заметили не только мы, но и Сириин-создание. Не думаю, что это проблемы у девочки, скорее всего, что-то происходит с лучицей. И конечно, очень скверно... весьма скверно, мой милый, что у лучицы наблюдалось отключение во время смерти плоти. Я убежден, нам в любом случае пришлось бы отдать девочку Першему. Ибо я никогда не стал бы рисковать ее жизнью, уж итак дюже виноват пред Отцом. Да и потом, бесценный малецк, не только я, но и ты слышишь, как тоскует лучица по нашему Отцу. Сие вельми сложно пропускать через себя. У нашей милой лучицы такая мощная чувствительность... Я ощутил ее еще тогда, в жизни первой плоти, когда встречался с девочкой в капище Небо на земле. И понял вже тогда, что нет смысла за нее по настоящему соперничать. Потому все, что мы ноне делаем, направлено лишь на то, абы лучица возросла и ты, мой ненаглядный, Дажба, Стынь набрались опыта, попробовали свои способности и силы. А по поводу лучицы так я уверен, она выберет печищу Димургов... Если Перший ее не уступит. – Асил на чуток прервался, широко улыбнулся, и все своей любовью заглянув в глаза сына, досказал, – но в этот раз Отец явно никому ее не уступит.

Чуть слышно вздохнул Круч, вероятно, в очередной раз переживая и свой выбор. Столь для него сложный, на самом деле, давшийся ему с таким трудом. Ведь Круч до последнего мига не мог выбрать печищу в кою желал вступить. Печищу Димургов или Атефов. Он до последнего колебался... За все прожитые человеческие жизни он ни разу, ни видел подле себя никого кроме Атефов и был тем вельми удручен. Со всем тем продолжал трепетно любить Першего, и когда увидел последнего на Коло Жизни, кажется, забыл обо всем, что его связывало с Асилом. Круч до сих пор беспокоился по поводу своего выбора, и то, несмотря на объяснения Асила и Першего, несмотря на поддержку обоих. Он и ноне не был уверен, что вступил в ту печищу, в которую желал. Словно, тогда на Коло Жизни его поступь кто-то нарочно направил в другую сторону... Хотя нельзя сказать, что Круч не любил Асила или кого из Атефов... любил... был привязан и зависим.

Гулко крякнула Отеть... она так всегда делала, когда хотела обратить на себя внимание, впрочем, Асил по исторгнутому звуку уже ведал, что сейчас она начнет ему жестикулировать. Потому вместо того, чтобы на нее глядеть старший Атеф нежно приобнял младшего сына и ласково молвил:

– Малецк... любезность моя. Мне надобно отправится в Галактику Крепь. А тебе поколь придется побыть на маковке подле Отца. Я отбуду ненадолго... Всего-навсе проверю, что там и вернусь. Все равно, без согласования с Першим, ничего делать нельзя. Хорошо?

Глава четвертая

Есислава с трудом разлепила очи так, словно на них склеились не только реснички, но и сами веки, и с удивлением уставилась в богато украшенный ярким узорчьем, а по углам цветными изразцами свод, совмещающих в себе не только пышные соцветия, но и сочные плоды. Она еще мгновение медлила, степенно обретая себя, а после, резко дернувшись, приподняла голову с подушки и огляделась. Большая комната, где стены были убраны золотым шелком, имела два квадратных окна, а поместившееся посреди широкое деревянное ложе, инкрустированное желтым крупным янтарем, явственно свидетельствовало, что это не детище, как в первое мгновение показалось Еси. Торопливо поднялся с узкого плетеного кресла и шагнул к ложу Житоваб, знахарь сменивший на посту старого Радея Видящего. Высокий, плечистый мужчина с очень светлым лицом, серыми глазами и пшенично-кудрый, вместе с иными бывший на летучем корабле.

– Житоваб, – чуть слышно дыхнула девушка, не веря своим глазам и боясь им вообще поверить. – Ты жив?

– Тише... тише, ваша ясность, – ласково прозвучал баритональный голос знахаря, и он бережно придержал голову юницы, дрогнувшую в шею, со всей заботливостью возложив ее на подушку. – Не надобно только тревожиться. Вы еще слишком слабы... нужен покой.

– Ты жив? – едва шевельнувшись, проронила Есинька и тело ее надрывно сотряслось, вроде страшась услышать итак очевидное. – А Липоксай Ягы?

– Если вы успокоитесь, и будете молчать, ваша ясность, – мягко молвил Житоваб и тотчас прикрыл дланью уста девушке, не позволяя тем самым говорить. – Я вам отвечу, только прошу вас, не тревожьтесь. Его святость вещун Липоксай Ягы жив... Как и все, кто был на летучем корабле, поколь вы с него не упали. – Крупные капли слез выскочили из глаз юницы, и, юркнув на щеки, лениво потекли вниз. – Ваша ясность, – с теплотой дополнил знахарь, утирая щеки Еси мягким ручником. – Прошу вас не плачьте, а то я не позволю поколь вам увидеть его святость, а сызнава напою драголюбным отваром и вы уснете. И тем самым вельми опечалю вещуна Липоксай Ягы, оно как его святость ожидал вашего пробуждения, желая прижать вас к себе... Прошу вас, успокойтесь.

Есислава малозаметно кивнула, и глубоко вздохнув, на чуть-чуть сомкнула очи, стараясь тем снять объявленное ее плоть волнение. Житоваб заботливо утер лоб юнице, на котором проступил малым бусенцом пот, и, убрав длань от губ, принялся прощупывать пульс на левом ее запястье. Девушка тотчас открыла глаза, и, узрев улыбку на губах знахаря, и сама засияла, только, кажется, сейчас осознав, что всепоглощающую боль, мучения и горечь оставила позади. Ноне Крушец никак не подавал о себе знать, а в голове хоть и ощущалось напряжение, кое точно давило на самом мозг, однако не имелось как таковой боли. Наконец, Житоваб легонько качнув головой и пристроив руку Еси ей на грудь, негромко молвил:

– Итак, ваша ясность, я сейчас схожу за вещуном Липоксай Ягы, а вы обещаете мне много не говорить, не плакать и не волноваться.

– Хорошо, – все же с трудом приоткрывая вялые губы, пролепетала девушка.

Житоваб в согласие кивнул, и, развернувшись, неспешно направился к двухстворчатым дверям, окрашенным в желтый цвет и украшенным резным рисунком, розового цветка. Есислава неотрывно смотрела как знахарь, приоткрыв одну из створок дверей, пропал за ней. Ее волнение нежданно многожды усилилось так, что болезненно отозвались виски и левый глаз. Она, еще находясь в селении манан, заметила, что левый глаз, тот самый в который пришелся удар кулака Лихаря, стал плохо видеть. Сначала с одного его края появилось пятно, частично прикрывшее видимость. Каковое, степенно разрастаясь, теперь почитай наполовину загородило доступ света. А нынче и вовсе, глаз полностью был зашторен тем белым пятном. Впро-

чем, вторым, правым глазом Еси видела хорошо. И узрела она как неожиданно, а вернее ожидаемо дверь в опочивальню отворилась, днесь уже сразу две створки, и в нее вступил Липоксай Ягы, в белом долгом кахали без рукавов. На самую малость он недвижно замер подле все еще приоткрытой створки и юница, даже одним глазом увидела, как его резко качнуло взад... вперед от волнения.

– Отец! – звонко вскрикнула девушка, и спешно поднявшись с ложа, села, протянув навстречу тому, кого все эти дни так горько оплакивала руки. – Отец!

Старший жрец немедля сорвался с места, по-видимому, он страшился, что бросившая при расставание в него горькие слова Есинька не пожелает его обнять. Липоксай Ягы в мгновение ока подскочил к ложу девушки, и, приняв в объятия дорогое дитя, стал покрывать ее волосы поцелуями, мешая с ними собственные слезы. Лишь немного погодя, когда первая радость от встречи пригасла, он, наконец, опустился на одр, и все еще не выпуская из объятий юницу, едва слышно дышал:

– Девочка моя... Есинька... душа... жизнь. Я думал, что потерял... потерял тебя моя радость... уже не чаял свидеться, но Бог Стынь сказывал, что вернет тебя.

– Стынь? – изумленно спросила Еси и на смену нытью в висках пришла теплота, которая не только сняла всякую болезненную неприятность, но и наполнила всю плоть счастьем. – Он приходил к тебе?

– Он нас спас, весь летучий корабль, – пояснил Липоксай Ягы и принялся ласково гладить девушку по волосам, изредка целуя в макушку и лоб, да еще теснее прижал к себе. – Когда, ты с тем мальчишкой сорвались, – голос старшего жреца зримо дрогнул. – Огромный камень ударил в борт корабля, и он стал разваливаться. Но потом мы ощутили мощный толчок и очутились сразу в поселении, прямо на площади. Кологривы все погибли... еще там в полете... а ты... Как только я увидел каменную мостовую площади сразу понял, что нас перенесли без тебя моя душа. Сердце мое жаждало разорваться, и грудь тоже, но внезапно я услышал глас Бога Стыня. И он сказал, что ты жива... жива, но поколь в руках иных Зиждителей... а я должен... должен.

– Ждать, – шепнула Еси и тихо, счастливо заплакала, целуя вещь в грудь, ощущая под ним быющее любовью сердце... такое мощное и сильное... такое для нее дорогое.

– Да он сказал, – дополнил погодя Липоксай Ягы и прерывисто выдохнул, точно вытолкнув из себя ком подступивший единожды ко рту, носу и глазам. – Он сказал: «Возьми себя в руки Липоксай и жди, жди. Я спас тебя лишь ради Еси, будь теперь терпелив». И я ждал. Я стал терпеливым. А дней пять назад Бог Стынь принес тебя в мой казенок. Нежданно возник в золотом сиянии, и, положив на стол, велел позаботиться и непременно вернуть здоровье. Милая моя девочка, что с тобой случилось? Довол осматривая молвил, что у тебя шрамы на теле, точно кто-то резал кожу.

– Меня лечили, – вздыхая откликнулась Есинька и замерев в отцовских, заботливых объятиях старшего жреца ощутила, и это впервые после гибели Дари, умиротворенность. – Так лечили... Несколько грубо, однако излечили. Тот мальчишка, Лихарь, он напал на меня и избил, очень сильно.

– Избил?! – голос Липоксай Ягы болезненно и одновременно гневливо затрепетал, а руки еще сильнее обвили тело юницы, стараясь сокрыть... сберечь ее. – Да... как он смел?.. Дрянная такая, да попадись он мне.

– Вряд ли отец, ты сможешь его увидеть, – лениво протянула девушка, жаждая, как можно скорее о том рассказать и забыть навсегда. – Мне, кажется, после встречи с Кручем он более никогда не поднимется. Знаешь, я думаю нас, меня и Лихаря, спас Дажба. Спас, когда мы сорвались с корабля и перекинул куда-то на берег... А Стынь... Стынь, наверно, не успел. Как я рада... Как рада, что Стынь спас тебя... Ибо без тебя... вас я более не могла жить, не хотела.

– Так болела, – с горечью произнес вещун. Он также как и Есиславушка жаждал выговориться тому единственному человеку, которого любил больше жизни. Бережно старший жрец высвободил из объятий тело юницы, и, уложив на ложе, с нежностью воззрелся в ее лицо. – Почти пять дней, то озноб, то лихорадка. И не приходила в сознание. Знахари были встревожены, а это все из-за этой дряни... этой мерзости... Не зря он мне сразу не понравился. От него точно веяло низостью и пакостью. Его надо было тогда... еще тогда, когда он появился в нашей жизни...

Липоксай Ягы тотчас прервался, и тягостно качнулись на его скулах желваки, будто прочертив на коже лица рдяные круги.

– Нет, болела не из-за него, – ответила Еси и сама с нежностью оглядела тонкие морщинки на лбу и обок уголков очей старшего жреца, две из которых, особенно глубокие, расчертили переносицу, и волосы его светло-русые, на висках днесь подернутые изморозью. – Болела из-за тоски по тебе и дарицам, которые верили, что я принесу им золотые времена, а я вместо этого принесла смерть.

– Почему ты? С чего решила, что в том повинна ты? – взбудоражено спросил старший жрец и торопливо вздев вверх плечи, пожал ими. – То божьи дела, не твои.

– Я же вроде как божество, – пояснила Есинька, и, усмехнувшись, перекосила полные свои губы, ноне она в собственной божественности не просто сомневалась, а понимала, что это просто ошибка.

– Божество, не значит Бог, моя милая девочка, – очень нежно протянул Липоксай Ягы таким тоном вроде говорил не со взрослой девушкой, а все еще с малым дитем, и нежно провел перстами по изогнутым, рыжим бровкам. – Я даже предположу, что Бог Огонь, и не является твоим Отцом. Однако, то, что ты с ним связана... Это моя Есинька, моя душа, зримо всем. Божество, это послание Богов. В свитках записано, что приход божества будет величественным, необычным и все принадлежащие к знаниям, дарованным нам альвами белоглазыми, обязаны с должным почтением принять сие явление. И обязаны создать все условия для благодной жизни божества. Ибо оно божество, точно объединит в себе силы света и тьмы, сравнивает понятия добра и зла. И всех служащих этим двум столь разным, противоположным понятиям уравнивает своими божественными знаниями. И то, что произошло с Дари, не в твоих силах... не в твоих руках, только в руках Богов. – Вещун теперь нежно огладил перстами губы девушки, а после, наклонившись к ней, поцеловал в лоб, вкладывая той теплотой всю свою любовь. – Одначе, всяк раз, моя душа, когда я тебя вижу, касаюсь... я испытываю такой трепет. Подобный трепет возникает во мне при виде всего божественного, обладающего недоступному людскому пониманию, тем не менее существующего. И такие чувства испытываю не я один, або внутри тебя, Есинька... Внутри твоей человеческой плоти, несомненно, живет божественная душа. Не такая как у меня, других дарицев, а великая... величественная как само небо... солнце... природа окружающая нас...

Глава пятая

Возвращенная пусть и не в Дари, но к своим людям Есислава вскоре поправилась, физически и нравственно. Конечно пережитое, как и хотел Перший, наполнило ее опытом, чувствами, оставив, как сказали бы люди, глубокие рубцы на ее душе... Однако, не обладая как таковой, вероятно, теми нравственными рубцами наполнился сам ее мозг. Крушец поколь молчал. Он вообще после произошедшего в селение манан, когда Еси чуть было не умерла, не подавал о себе знать и даже перестал стелать. Правы были Стынь и Круч, предполагая, что он отключился. Может потому в голове у девушки теперь все время царилла какая-то тяжесть и точно дымчатость в восприятие происходящего. Видения прошлого более Еси также не посещали, и в целом становилось не ясным хорошо это иль все же плохо.

Поселение, в котором теперь жили дарицы, было достаточно большим, то ли так удачно расположенное в Африкии, то ли все же нарочно прикрытое мощью Бога, оно никак не пострадало при катаклизме. Единственно произошедшим с ним стало, перемещение его в значимо жаркое место на Земле. За годы, что поселение возводили, Липоксай Ягы переселил в него достаточное количество людей. Хотя по оставленным белоглазыми альвами законам дарицам не позволялось покидать Дари и селиться вне своего материка. Указание, которое преследовало одну цель, не допустить расселения самих отпрысков Владелины по иным континентам, абы не прозевать вселение в плоть лучицы. Потому дарицы очень редко уходили из Дари. Впрочем, несомненно, уходили, уплывали и населяли как соседние Асию и Амэри... так и более далекую Африкию. Но уходя от своего народа, от эпицентра, очага бытия, такие дарицы степенно теряли и сами традиции, и собственную генетику белого человека, медленно аль вспять быстро растворяясь в населяющих иных континентах желтых, красных, черных племенах. Как и ясно, поколь сие никак не коснулось дарицев, которых переселял Липоксай Ягы. Они все также жили по установленным традициям, соблюдая верования и положенный уклад жизни, может еще и потому как их перевезли в Африкию достаточным количеством.

Вместе с людьми на материк черных попали, как богатства, включая материальные, так и знания. Единственно, что было окончательно утеряно, это кологривы, каковые дотоль жили лишь на Дари. Эти животные погибли большей частью на континенте, а тех, что пытался спасти старший жрец, настигла смерть в воздухе. Как и обещал вещуну, Стынь еще тогда, девять лет назад, привел в помощь дарицам темнокожие народы, не только поселив подле, но и заставив помогать в строительстве селений. Хотя вернее будет сказать привел не Бог Стынь, а те кого он послал. Постепенно темнокожие совсем обвыклись к белым, принявшись проживать в их поселениях, работать и прислуживать без как таковой платы, понеже тот труд в их народе считался почетным.

Подле широкой, вялотекущей реки располагалось теперь не просто одно, а сразу три мощных селения, находящихся на небольшом удалении друг от друга. Мягкий, теплый климат данного места благоприятствовал росту растительности и лесов, которые со всех сторон окружали реку. Правда, в тех густых зарослях росли большей частью иные деревья к каковым не привыкли дарицы. Дома в селениях по той причине частично строили из дерева, хотя и в малом количестве, потому как на удивление древесина оказывалась плохого качества, оттого старались из нее возводить хозяйственные постройки. Сами же жилища соорудили из необожженного кирпича-сырца, высушенной на открытом воздухе глины, добываемой в долине. Дом вещуна двухэтажный, но менее величественный, чем в Лесных Полянах, был построен из камня. В нем располагалось много меньше комнат, чем в детинце Дари, с тем также богато убранных внутри.

Река, что находилась справа от селений, раз в лето разливалась и заполняла водой все проточины, впадины, узбои, наполняя оземь жизнью. Потому леса здесь занимали обширные

территории. В них купно росли пальмы, маслины, орешники, каштаны, а также более близкие белым людям кедры, пихты, сосны, иноредь даже дубы. В зарослях тростников у воды обитало множества птиц и животных, в том числе крокодилы, бегемоты, в огромных по площади пальмовых рощах встречались слоны, жирафы, львы, леопарды. За далью лесов, как рассказывали темнокожие люди, простирались бескрайние степи... более сухие, да и климат там был много суровее, порывистые ветра обдували те земли, рвали на части буйные травы, в холодное время засыпали стылými дождями и даже снегами. Подле же реки земли оказались не только теплыми, но и плодородными, ибо когда вода разливалась она, заполняя и удобряя их своим илом, сформировала тот самый благодатный слой на котором произрастали привычные для дарицев овощи, зерновые, виноградники.

Небольшой садик, как и все в сравнении с Лесными Полями крохотное, был разбит позадь дворца вешуна и выздоравливающая Еси большую часть дня находилась там. В садике росли пальмы, тисы, древовидные папоротники и можжевельники, создающие не только уют, но и тень... сумрак, который так любила юница... верно оттого почасту под деревьями стояла какая-то душная сырость. Небольшая скамейка, поставленная под одним невысоким деревом, сверху была укрыта прозрачным, тканевым навесом. Ее разбили еще в отсутствие Есиславы, по приказу вешуна, который не сомневался в возвращение своей девочки. И теперь девушка подолгу на ней сидела... не только днем, но и вечерами, наслаждаясь тишиной собственного естества и близостью тех, кого любила.

Не прошло и нескольких дней, после пробуждения, как юница почти полностью оправилась от болезни. Липоксай Ягы теперь, после возвращения Есиславушки домой, почитай не отходил от нее, стараясь не оставлять одну. По большому счету днес у него осталось совсем мало обязанностей. И если раньше на его плечах лежало управление огромной властью и в общей сложности континентом Дари, то нынче осталось всего-навсе три поселения. Однако он продолжал, как и допрежь того, возлагать дары Светлым Богам в каменном капище, что было возведено в центре поселения напротив его дворца, значительно меньшим по размеру, да и, коль говорить правдиво, менее величественным.

На удивление Есиславы Липоксай Ягы никак не изменил традиции, и продолжал славить имена Небо, Асила и только чтить Першего. И вопреки явственному возмущению девушки пояснил ей, что так-де велел ему поступать Бог Стынь, запретив что-либо менять в верованиях до прибытия посланцев Зиждителей. Еси еще в Лесных Полянах спокойно, без последствий для собственного здоровья и зова лучицы, как преемник старшего жреца, стала посещать капище во время службы. Сейчас же вернувшись от манан, в категоричной форме отказалась принимать какой-либо статус и появляться капище, так как считала, что в гибели Дари виновен Дажба... Дажба не только Отец дарицев, как они полагали, но и правитель всей Галактики Млечный Путь, как ведала она. Есинька несомненно оправдывала иных Богов Круча и Стыня. Або первый явственно демонстрировал при ней свое не знание по поводу катаклизма. А Стынь... Стынь, не только был возлюбленным, он еще и спас Ксяя. А потому юница не сомневалась в благородстве его поступков, думая, что он уберег не только дарицев от гибели, но и своих отпрысков. Просто Есислава не ведала, что население Африкии пострадало не меньше чем на иных континентах. И если центр материка рвали на части землетрясения, бомбардировали куски спутника, и заливало раскаленной магмой вырвавшейся из вулканов, то прибрежные с океаном земли накрыли мощные цунами... Поколь... поколь Бог Стынь спасал того, кого считал спасти более важным.

Есислава протянула руку и провела пальцами по корзинке высокого растения, вертикально поднявшего свои собранные колосовидные, нежно-розовые соцветия. Столь трепетно колыхающие рыхлыми лепестками, что казалось это и не цветок вовсе, а тончайшие крылья бабочки, желающие взметнувшись, улететь как можно дальше в раскинувшиеся, нынче хрупко-голубые небеса.

– Почему у этой реки такое странное название Иловой? – спросила девушка у стоящего подле нее вещуна, не оставляющего ее надолго без собственного присутствия, очевидно, боясь сызнова потерять и тогда не пережить той мучительной разлуки.

– Иловой, это значит поемный речной залив, мелкий, – медленно протянул Липоксай Ягы, вероятно, лишь сейчас задумавшись о величине реки, обок которой ноне жил. – По-видимому, реку назвали так, потому что в ней очень много ила. И тем илом разливаясь, она устилает, обогащает земли.

– А кто, отец, дал величание нашим поселениям? – поспрашала Есинька и неспешно поднявшись с корточек, оглянувшись, ласково воззрившись на старшего жреца.

– Скорее всего войвода Переяр, – немедля отозвался Липоксай Ягы и от вполне здорового вида юницы, щечки у каковой самую малость заалели, довольно улыбнулся. – Под его руководством тут возводили поселения. Наверно он и дал названия им. Хотя я точно не знаю, как это произошло, меня сие мало интересовало тогда, еще меньше сейчас. Меня интересует... тревожит только одно, моя милая, это твой глаз. Ибо Довол вельми беспокоится за твое зрение.

Не мудрено, что и Довол, и Липоксай Ягы волновались за глаз девушки, так как за последние дни белое пятно поглотившее видимость в нем, теперь стало степенно темнеть. И малый краешек слева днесь вже почернел. И если раньше Есинька хоть и не видела, но все же воспринимала свет, нынче тот черный кусочек более не пропускал его. И хотя юница о том никому не сказывала, знахарь Житоваб заметил проблемы с глазом. Довол вместе с местными кудесниками осмотрев левый глаз, пришел увы! к неутешительным выводам, что ее ясность вmale на него ослепнет.

– Ничего отец, – мягко отозвалась Еси, и, шагнув к старшему жрецу, прикинула головой к его груди. – Даже если я не буду видеть одним глазом, у меня останется второй. Такая малая плата за то, чтобы быть подле тебя, мой дорогой отец.

– Есинька... моя милая девочка, – ласково произнес Липоксай Ягы, целуя девушку в макушку головы, оглаживая дланью ее волосы. – Как можно спокойно так говорить... Это ведь глаз. Нет... надобно предпринять все усилия, что остановить потерю зрения.

В воздухе ноне нежно пахло цветущими петушками, оные в своем многоцветии росли в данной местности, и в частности в саду вещуна. Легкий ветерок доносил с реки Иловой свежесть воды и едва ощутимый травянисто-кислый дух ила... той самой смеси минеральных и органических веществ, каковым было наполнено не только дно реки, но и сама вода.

Мощная поступь ног Браниполка, синдика нового центрального поселения Свечи, прервали наступившую тишину, возникшую в садочке. Еси выскользнув из объятий отца, неспешно отступила назад и несколько в бок, и, выглянув из-за плеча вещуна, который резко повернулся в сторону синдика, нежно улыбнулась тому. Она теперь всегда сияла при виде дарицев, поелику была так рада их лицам... и тому, что они есть... живы. То счастье выплескивалось с нее само по себе, точно охватывая всю ее плоть.

– Ваша святость, – негромко обратился к старшему жрецу синдик. – Простите, что прерываю ваше толкование, но надобно кое-что обсудить. Коли позволите, ваша ясность, – направил уже в сторону Еси синдик и его неказистое лицо, стало таким трепетно-теплым, вроде он увидел собственную дочь оставленную в Лесных Полянах и безусловно погибшую.

– Побудьте тут, ваша ясность, – благодушно молвил Липоксай Ягы на малость оборачиваясь к девушке и окидывая ее нежным взглядом. – Я скоро вернусь.

– Хорошо Липоксай Ягы... я подожду тебя, – немедля переходя на более официальный тон, отозвалась Еси, и внутри нее шевельнулось беспокойство... Это чувство теперь всяк раз ее посещало, когда вещун уходил. Чувство, словно предвестник чего-то не хорошего. – Только ты не долго, – днесь сие она прошептала для одного старшего жреца и черты ее лица самую толику затрепетали, передавая тем охватившее девушку волнение.

– Я скоро, – поддерживающе откликнулся Липоксай Ягы, и легонько кивнув, немедля направил свою поступь к внутренним дверям дворца, что едва проступали за стволами деревьев, вслед за ним не менее торопко, не забыв поклониться божеству, пошел Браниполк.

Юница какое-то время неотрывно смотрела за удаляющимися фигурами дарицев, ошущая как к легкой дымчатости внутри мозга, прибавилась мощная, разком накатившая волна страха... Страха... сковавшего не только тело, но и губы. Страха, от которого пока не удавалось избавиться, не то, чтобы победить. Когда створки дверей поглотили вешуна и синдика, впустив их во дворец, Еси глубоко вздохнув, огляделась. Успокаивая себя тем, что обок дверей дворца стоит Волег, а сам сад огорожен невысоким частоколом. Да и мананы, к которым она так страшилась попасть ноне до нее не доберутся, будучи на ином континенте.

Неспешно развернувшись, Есинька направилась по каменной дорожке, проложенной в середине цветника, полюбовно посматривая на высокие с яркими соцветиями петушки, и улыбаясь им, да тем, очевидно, стараясь снять напряжение, что ее охватило.

– Красивые цветы... Это я велел их тут посадить в свое время, чтобы они могли радовать тебя, моя девочка, – нежданно раздался позади Еси объемный, певучий бас Бога.

Девушка, тотчас остановившись, туго сотряслась. Надрывистое дыхание от которого на чуть-чуть даже потемнело в глазах и вовсе шибутно закачало юницу вперед... назад. Ноги в коленях дрогнули и, чтобы не упасть, она стремительно оглянулась. В нескольких шагах от нее стоял младший Димург, принявший днесь свой малый рост. Стынь был дуже нарядно одет, словно явился издалека аль нарочно вынаряживался. Потому на нем красовалась голубая рубаха, сверху прикрытая тончайшим, синим плащом, дуже сквозным. Плащ, накинутый на плечи, огибая их с двух сторон, был схвачен на груди крупной серебряной пряжкой, в виде сомкнутого кулака. Стан Зиждителя стягивал широкий пояс плетеный из множества тонких нитей, вмещающих в себя все цвета радуги от красного до синего, волоконца которого чудно переливались. Опясывая стан по коло на два раза, кушак стягивался на левом боку узлом, и долгие его концы, свешиваясь вниз, достигали почти колен Стыня, касаясь материи голубых шаровар тончайшей, серебристой бахромой, украшенной на завершихх крупными синими топазами. Серебряные сандалии Бога сомкнутые по всей подошве, с загнутыми носами, схватывали тонкими ремешками на семь раз голень и штанины почитай до колена. Не менее богато украшены серьгами были его мочки и ушные раковины, проколами надбровные дуги, в основном сапфирами васильково-синего цвета. Правда ноне Стынь не одел свой венец, впрочем эта роскошь на нем не делала его величественным, суровым Богом, а вспять приближала в нем все человеческое.

– Стынюшка, – чуть слышно протянула Еси уже, кажется, не в силах и стоять на ногах.

– Да, милая моя девочка, это я, – певуче добавил Стынь и шагнув к девушке, заботливо придержал ее за плечи. – Так желал тебя увидеть... Но был занят... отбывал в соседнюю систему Ариню.

Есислава медлила еще не более мгновения, а после спешно припал к груди Бога, и, принявшись покрывать ее поцелуями, перемешанными со слезами, зашептала:

– Ты... ты, мой любый... мой спаситель... ты, – с тем всяк миг... морг подавляя звук в трепете своих губ лобызающих материю рубахи и единожды грудь младшего Димурга.

Стынь порывисто обнял юницу, вжав в глубины своего естества, а засим обхватив голову ладонями слегка приподняв, развернул ее так, чтобы припасть своими почти золотыми губами к алым устам Есиньки. Прошли лишь доли минуты... в коих растворились все чувства... дуновение ветра и дух, принесенный речной, насыщенной илом воды и Бог подхватив девушку на руки, в мгновение ока пропал вместе с ней из сада... Оставив позади себя колыхание трепетных лепестков петушка нежданно окрасившихся в ярко-алый цвет.

Низкая волна медленно накатила на чевруй, где песок был нежного желтого цвета и оглавив его выровненную поверхность также неназойливо-вяло отпрянул назад, судя по всему, раз-

думывая создавать новую рябь, аль прекратить всякое движение голубых и словно бескрайних океанских вод. Лучи яркого солнца мягко коснулись тела Есиньки огладив своей любовью, так как дотоль приголубил своими золотыми руками ее Господь Стынь, и прижав к себе нежно поцеловал в губы, очи на миг чуть дольше задержавшись на левом глазе.

– Что с глазом? – обеспокоенно спросил Бог девушку, и, прижав к груди ее голову, ласково провел по трепетно-мягкой коже, всяк миг, когда он так делал покрывающейся мурашками.

Стынь, сидел на песчаном берегу океана, где сине-голубая поверхность вод казалась столь дальней... теряющейся и вроде как входящей той необозримостью в сам свод неба. Бог прижал хрупкое тело юницы к своей груди и все еще целуя, насыщал столь надобной любовью и лаской. Казалось этот небольшой островок, где вельми разрозненно росли невысокие пальмы, и вовсе можно было обойти по кругу, а песок покрывал полностью всю его чуть вспученную плоскость.

– Что? – переспросила Еси, и, приподняв голову, всмотрелась в скошенный подбородок Бога отсюда снизу явственно смотрящийся темно-коричневым.

– Я спросил, что у тебя с глазом? – повторил свое поспрашивание Стынь и с тем поцеловал ее в левое око.

– Не знаю, – протянула Есислава, ощущая необыкновенное счастье... наполняющее всю ее плоть. – Я еще там... у манан заметила, что стала плохо видеть на этот глаз. А после возвращения и вовсе, его заволкло пятно.

– А, что говорят ваши лекари... Или как там вы их называете? – в голосе младшего Димурга явно прозвучала тревога, и он на немного отстранившись от девушки, внимательно ее оглядел.

Однозначно Бог хотел прощупать Есиньку, но не смел. Боялся испортить их встречу и навредить чем им обоим... не только юнице, но и лучице.

– Кудесники, говорят, что я ослепну на этот глаз, – достаточно ровно отозвалась девушка так, словно говорила о чем стороннем, что не касалось ее. Она вообще не хотела ни о чем сейчас толковать, хотя и понимала... Надобно, непременно, рассказать Стыню и о стенаниях, каковые слышались в ее мозгу, и о видениях. Но решила сделать это позже... Сейчас же... только наслаждаться близостью любимого.

– Наверно, это Лихарь мне разбил глаз... Я помню, он тогда очень больно в него стукнул, – и вовсе почти прошептала Есислава и тотчас смолкла, более не желая о том говорить.

Кожа на лице Стыня зримо блеснула ярко-рдяным переливом, ослепившим на доли секунд здоровый глас Есиславушки, и ему будто вторила сиянием пряжка, лежащая на песке, венчающая один из углов расстеленного под ними плаща. Очевидно, Бог гневался, и то почувствовала не только девушка, но и он сам и посему желая снять появившееся меж них напряжение, принялся нежно ее целовать... Целовать, свою Еси, в щеки, уста, глаза снимая тем пережитое, какое-либо волнение, придавая уверенности... уверенности не столько в собственных силах, сколько в силах и действиях того кто был любим.

Глава шестая

– Почему нет, Отец? – голос Стыня днесь, как всегда звучал избалованно-требовательно, и весь он сам точно растеряв божественное, более походил на человека, прохаживаясь по залу на маковке и описывая круги окрест стоящего в середине трона Першего.

– Моя бесценность, прошу тебя успокоиться, иначе разговора не получится и вместо Шуалина, Арины и Солнечной систем ты сызнова окажешься в дольней комнате пагоды, – степенно отозвался Перший.

Старший Димург медленно поднял правую руку с широкой облокотницы своего трона по краю инкрустированного серебряными вставками и черными крупными жемчужинами, и, направив в сторону сына, легохонько шевельнул удлиненными, конической формы перстами, тем сдерживая его беспокойное движение. Стынь немедля остановился напротив отца, обок наверно нарочно созданного для него серебристо-облачного кресла.

– Лишь тогда наш разговор наполнится смыслом, – властно и одновременно поучающе прозвучал глас Першего, при том он заботливо оглядел сына не скрывая, что обеспокоен его волнением. – Когда ты, малецык, сможешь откинуть всякую привязанность к девочке и подумать о Крушеце, с которым тебя сплывает достаточно мощная чувствительность... Мне совсем не по нраву, мой любезный, что ты ступаешь по пути уже дотоль проложенному Дажбой, а именно подменяешь свою привязанность к лучице на чувства к плоти. Тому почасту подвергаются юные Боги, такие к которым относишься ты, кои поколь не могут отделять значимого от непостоянного.

Стынь все время, что говорил старший Димург неподвижно стоявший, неожиданно резко дернул плечами, будто содрогаясь от тех слов, аль просто не желая их воспринимать. Еще миг и он резко шагнул в направлении кресла, наполнив гулко-надрывным колыханием всю залу так, что в ней тягостно сотряслись стены, и стремительно упав в его дымчатую, вращающую по коло пористыми слоями сущность, замер. Яростно качнувшееся кресло, дернулось вначале вправо... засим также резво влево... тем своим колыханием стараясь умиротворить Бога и придать ему положенной степенности. В такт движению кресла, кажется, качнулось и золотое сакхи Стыня, и серебристое Першего, и сами зеркальные стены залы.

Старший Димург и вовсе медлительно опустил, дотоль направленную на сына руку, на локотник трона, и также затих.

– Я спокоен, – слегка позвякивающим от напряжения голосом отозвался Стынь.

– Вот и хорошо, что спокоен, – низко ответил Перший. Он какое-то время все еще удерживал отишье в зале, а после и вовсе понизив тональность, почитай до шепота произнес, – ты знаешь, мой милый, как я отношусь к твоим требованиям и желаниям... Весьма критично... Не сомневаюсь, закаханность Богами тебе мешает... И тебе, непременно, надобно становиться взрослей, научиться сдерживать свои желания, с тем думая допрежь всего о печище и обобщенно о всех Зиждителях... Теперь по поводу девочки. Поколь нельзя приносить ее на маковку. Нельзя, потому как не ясно, что происходит с Крушецом... Сейчас надо выяснить, что чувствует девочка, каковы ее ощущения. И почему она и Крушец столь несоответственно вели себя у манан. И главное, почему сейчас все утихло. Сие надо выяснить не откладывая, потому как того обозрения требует Родитель. Я повелел провести осмотр лучицы и Еси Асилу, но так как случилось не предвиденное, и ты забрал девочку у Атефов, днесь надо за ней понаблюдать. В тот момент ты мог, малецык, принести ее на маковку, по условиям соперничества такое разрешается. Плоть находилась на грани жизни и смерти, и тебе надо было сделать, как я указал... Убежден, Сириин-создание это разрешило. Но так как ты решил подстраховаться, ноне нужно вытянуть как можно больше с девочки... А глаз, – Бог перевел взор с лица сына, и легохонько шевельнув туды-сюды челюстью, вроде вправляя ее дополнил, – глаз на маковке

нельзя поправлять. И нет смысла отправлять на Землю бесиц-трясавиц, нужно сделать умнее, а именно вызвать в Млечный Путь тех самых посланцев Богов, чтобы они подготовили все для перерождения лучицы. Думается мне, это произойдет в последующих двух ее человеческих телах не более того... Ну, а гипоцентавры, как ты и понимаешь, сумеют поправить зрение нашей Еси, ибо владеют для тех действий всем необходимым.

– Гипоцентавры?! – задумчиво протянул Стынь и глубоко вогнал голову в ослон кресла. – Они не успеют, – дыхнул он еле-еле ошутимо.

Однако, даже такое едва ошутимое дуновение губ Бога мгновенно подхватил Перший, оный перевел взор с зеркальных стен, и достаточно мощно взглянул на сына, теперь вогнав и все оставшееся его тело в кресло, точно прибив, одновременно, с тем прошупал.

– Зачем ты это сделал малецык? – впрочем, голос старшего Димурга прозвучал умягчено-благодушно, только очи наполнились тьмой поглотив и склеру, и зрачок. – Мы же с тобой как договаривались? Ты же знаешь, что отпрыски Владелины спасены... и того нельзя было делать. Я же о том попросил.

– Ребенок будет белым, – очень тихо протянул Стынь и резко вздев руку загородил лоб, стараясь хоть так укрыться от мощи Отца, обаче в том ему не мог помочь даже венец, нынче отсутствующий на голове. – И у Еси будет целое лето спокойной жизни. Даже если окажется, что с Крушецом все благополучно никакие замыслы ее не потревожат.

– А... моя бесценность, так ты это сделал нарочно... Ты это замыслил, – и вовсе неопределенно проронил Перший так, что стало не ясно рад он таковой самостоятельности сына аль вспять огорчен. Он медленно приподнял руку с облокотницы и перстами зараз огладил очи, нос и уста, стараясь схоронить истинность своих чувств.

– Да, нарочно, – отозвался младший Димург вкладывая в молвь явный вызов, и тем стараясь оправдать свои действия. – Сделал нарочно, потому как Еси... Еси была такой вымотанной. В ней переплелось все махом: боль, страдание и радость. Она бы не выдержала ваших с Родителем замыслов... и я хотел... и хочу дать ей передышку.

– Наши замыслы, мой милый, это были наши общие замыслы, оные Родитель несколько подправил, – мягко произнес Перший и теперь и вовсе прикрыл расставленными перстами часть своего лица, особенно очи.

– Нет, Отец... это не наши с тобой замыслы... А замыслы Родителя, – с горячностью дыхнул Стынь и в тот же миг рывком поднявшись с кресла, шагнул в направление старшего Димурга, стеной нависнув над ним. – Ты знаешь... и Родитель тоже... Я не желал пускать севергу в Землю, ибо понимал, как сильно будет страдать девочка... Да... да я привязался к ней... привязался к Еси... потому что и сам еще не растерял человеческого. – Голос Бога слышимо понизился, сияние кожи поблекло, отчего более значимо проступил ее прямо-таки густо черный цвет. – И все... все людское мне поколь близко.

Старший Димург незамедлительно поднялся на ноги, и, обняв сына, притянув к своей груди, принялся нежно голубить его черные, будто пушок курчавые волосы.

– Все... все мой драгоценный, – перебивая сына теплотой своих действий, молвил Перший. – Не надобно о том толковать... Данное нужно пережить... переступить и идти далее... Одначе...

– Однако еще тогда... в жизни Владелины, – теперь Стынь не говорил, он торопко и сбивчиво шептал, жажда выплеснуть на того кто был ему близок всю испытываемую им как Богом слабость... На того, кто умел не только понять, выслушать, но и помочь... снять своим мудрым словом, советом, и чувствами все тревожащее. – Еще тогда я, увидев, почувствовав движение жизни в девочке, словно на морг ощутил и свой путь. И ноне оно многожды усилилось... А после того, как Еси была у Атефов, я точно потерял себя... все нахлынуло... все человеческое.

Перший обхватив голову сына, легохонько оттринул ее от себя, и, обозрев его лицо, нежно облобызал ему очи, лоб и сызнова очи... Мягкими касаниями губ, снимая всю марность с его кожи и насыщая ее золотым сиянием.

– Ты должен успокоиться... и внимательно меня выслушать... внимательно, – голос старшего Димурга звучащий достаточно низко нежданно набрал мощь.

Он вдруг и вовсе точно зарокотал в своем могучем величии так, что стены залы заколебались. Еще миг, и резко дернувшись, поехал вниз свод, вроде жаждая раздавить стоящих внизу Зиждителей, и с него посыпались на пол шмотки желтых облаков, досель ясно освещающих все помещение. Лохмотки облаков как-то даже стремительно шибанулись о гладь черного пола, в мгновение ока растворившись в нем. Верно, еще доли секунд и вся зала погрузилась в густую тьму... непроницаемую... плотную поглотившую фигуры Богов. По-видимому, лишь за тем, что миг спустя в остановившем свое движение и низко нависшем над Димургами своде вспыхнув, замерцала сначала одна... потом другая желтая с почитай красным отливом звезда. Сие блеклое мерцание нежданно многожды усилилось, потому как в своде появилось уже с десятков таких звезд. Они вскоре и вовсе особой скученностью выступили из глубин потолка, заполнив своим мягким, приглушенным сиянием помещение и чуть зримо осветив стоявших Димургов. И только тогда заговорил Перший... вкрадчиво и столь нежно... он той мольбою ласкал, лобызал своего сына, не только поучал:

– Кроме лучицы ноне для нас ничего не существует, мой малецык. Лучица есть общее с тобой Стынь. Она тебя привязывает... не девочка... она... лучица... Наш бесценный, Крушец... Он всеми силами старается быть подле нас... подле тебя, старшего брата, с каковым его столько связывает, вся пережитая обок меня чувствительность. Он посылает тоску по Зиждителям на плоть. Он посылает на плоть чувства к Зиждителям. И девочка проявляет особую чувственность. Ты же, ощущая те чувства, принимаешь их за плотское... Но это, мой милый, не плотское... не человеческое, а ниспосланное Крушецем и предназначенное для нас. Ты Бог и ниспосланное Крушецем, также имеет лишь божественное. Тебе же должно отделить чувствительность к плоти и любить одного Крушеца. Ты должен суметь помочь ему стать Богом, ибо плоть есть ничто, она тленна. Существенен один Крушец для тебя, меня, всех Зиждителей, Родителя... Ему, нашему милому малецыку, надо помочь взрасти, возродиться. Ступай вперед, драгоценность, не оглядывайся, не принимай к своему естеству чуждую тебе чувствительность. Набирайся знаний, мощи, без которой ты не сумеешь стать беспристрастным Творцом, не только созидающим, но и разрушающим. Творцом вечного... безбрежного движения Коло Жизни.

Полумрак, правящий в зале постепенно поблек. Тусклость мало-помалу сменилась на насыщенность света, а в своде сияющие звезды нежданно тронувшись со своих мест, медленно поползли навстречу друг другу, и вскоре коснувшись таких же точно вытянутых угловых вершин, вклинились в соседней, создав единое полотно. Также скоро они плотно скомковались... сплотились и мгновенно набухли, вроде переполнившись воды. Их общая поверхность нежданно и вовсе забурлила, запузырилась, как густая похлебка, образуемая из собственного месива желто-красные облака, исторгающие из себя свет схожий с сиянием кожи Богов, освещающая не только саму залу, но и каждый угловой стык в ней.

– Ты не будешь ведь, – произнес Стынь и послышалось в той молви просьба... теперь уже не требовательность, а прошение. – Отец не будешь уничтожать семя?

– Нет... не могу позволить себе такое расточительство, так как слишком трепетно отношусь к твоим силам, мой любезный, – очень ласково ответил Перший, успокоительно огладив сына по голове. – Одначе, прошу тебя более не растрчивать свои клетки. В том нынче поверь, не было необходимости, поелику покамест мы не поймем, что происходит с лучицей, никаких замыслов Родитель не позволил бы осуществлять. Да и коль прилетят гипоцентавры, девочка какой-то срок будет находится в покое... Я бы не позволил вмешиваться в ее удел

Асилу или Небо, она была бы защищена, потому что постройка храмов вельми важна для Крушеца, как и для нас. Ты же, малецык, своими спутавшимися понятиями и чувствами отнял у Еси несколько лет спокойной жизни. Впрочем, надеюсь, материнство повлияет на плоть благостно и придаст ей мягкости и чувственности, что, в общем, тоже неплохо. – Старший Димург, судя по всему, скрыл в последних словах свое недовольство на замыслы сына, и сказал, значительно ровно, всего-навсе для того, чтоб последний не волновался. – Хотя очень плохо, что теперь ее отпрыски станут жить на разных континентах и когда за лучицу вступит в соперничество Вежды, за ними будет сложнее проследить. Потому белоглазые альвы и оставляли указаниям дарицам не расселяться, чтобы нашим созданиям было легче наблюдать за потомками Владелины. Да и вообще с Крушецем явно, что-то происходит, посему он не подает зов на Родителя... словно всему разучился, али наново захворал.

– Еси проводила обряды. Перед отключением Крушеца я их прошупал... их обоих. И узрел, что они проводили обряд, только я не понял, так они старались снять волнение, али пытались связаться с Родителем и нами, – вставил торопливо Стынь и широко заулыбался, нескрываемо радуясь тому, что у девушки, каковую ноне он отстаивал в запасе появились спокойные годы жизни... пусть несколько, но все же, после пережитого и это было чем-то. – Они все время проводили обряды, наверно Отец, щит Асила для них оказался слишком мощным, потому...

– Нет, – перебивая сына, протянул Перший и теперь уверенный в том, что тот успокоился, выпустил его из своих объятий. – Дело не в щите... совсем в другом... Это воочию не снятие волнения с плоти, або лучица, как и сама девочка в том уже давно не нуждаются, все переключено на зов и видения... Я убежден, по какой-то причине у Крушеца не получается настроить нормальную связь, поэтому такие невнятные толчки... размазанные, раскатистые, что я наблюдал... А то, что малецык отключился во время гибели плоти, еще раз указывает на проблемы в его состоянии. И это меня пугает, и, похоже, также сильно беспокоит Родителя. Потому сейчас надо понаблюдать, и, естественно, как я просил тебя поговорить с девочкой. Ни в коем случае не прошупывай... У вас довольно доверительные отношения, потому потолкуй с ней. – Стынь едва заметно качнул головой, и легохонько изогнул губы, тем верно символизируя Отцу. – Я понимаю, – несмотря на изменение лица сына, продолжил сказывать старший Димург. – Понимаю, что Еси не желает о том говорить, но ты должен... обязан... ради, нашего драгоценного, Крушеца... Сейчас опасно выдергивать плоть на маковку... опасно направлять бесиц-трясавиц... Нужно мягко все узнать и данное действие должен сделать ты... ты... Стынь...

Младший Димург легохонько вздохнул, точно занятый думами, и медлительно развернувшись, направился вдоль залы. Только сейчас шаг у него был степенным, всякая горячность ушла и из движений его рук, левыми перстами он нежно оглаживал крупный изумруд в перстне на правом указательном пальце, закрывающем почти полностью первую его фалангу.

– Отец... – вельми робко начал Стынь, и вновь он выступал просителем. – Вскоре у тебя с Небо будет встреча, и если ты заручишься поддержкой Асила, тогда Еси можно будет принести на маковку и одновременно осмотреть Крушеца. А девочке помочь со здоровьем.

– Что ж, моя бесценность, мне не сложно повторить, коли ты не понимаешь, аль делаешь лишь таковой вид, – протянул Перший и неторопко опустил на свой трон, слегка при том опершись дланями о его покатые облокотницы. – Девочку сейчас нельзя перемещать, лучице нельзя встречаться со мной или бесицами-трясавицами... Еще опаснее вводить обоих в беспмятство... Это не только распоряжения Родителя, но и мое понимание... Тогда, когда девочка чуть не погибла, а Крушец отключился, надо было принести их обоих на маковку... Но ты, решил по другому, хотя я тебя снабдил четкими действиями. Хорошо, я принял твой выбор, впрочем, сейчас приносить их на маковку недопустимо и дело даже не в Сириин-создании, дело в самой лучице... Поколь мы не будем уверены в ее состоянии ничего... ничего предприни-

мать нельзя. – Бог медлительно оперся спиной о высокий, резной ослон трона и самую малость прикрыл глаза, точно устав от тугодумия али несогласия сына. – И еще... Не думаю, что Небо будет, так трепетно относиться к твоей клетке, как я... Небо вне сомнений тебя любит... тебя, но вряд ли он будет также любить то, что ноне растет в Еси. Скажу более, он предпримет все, чтобы плоть потеряла сие семя, потому как хочет, абы лучица рождалась в его отпрысках. Ведь сейчас, как ты понимаешь, сложно будет определить, что дитя родится белым, не черным. Так, что коли хочешь сберечь ту малость жизни в девочке укрой ее дополнительным щитом и более не выноси с под него. Ибо Небо вельми недоволен всем происходящим... Не только замыслами Родителя, но и тем, что Дажбу опередил Круч, а теперь девочка оказалась и вообще у нас. И его недовольство выльется, в поиски Еси... И в тех поисках будут участвовать не только создания Расов, такие как гарцуки, дзяды, но и, вероятно, особо приближенные помощники брата Рарог-создания... Насколько я ведаю, они давеча прибыли в Млечный Путь из Галактики Отлогая Дымнушка, их привез малецык Воитель, с каковым ты встречался оногдась на маковке... Потому, мой милый, коли ты не прекратишь выдергивать Еси, ее место будет в мале определено.

– О... я об этом не знал и не подумал, спасибо Отец, что подсказал, – встревожено произнес Стынь, и на его большой лоб напозла с под низу легохонькая бороздка, вздетая поднявшимися выспрь бровями, сделавшая выражение лица виноватым. – А может ты, Отец, поставишь щит?

– Нет, – властно отозвался Перший, и легошенько качнув головой, тем самым точно враз отворил дотоль прикрытые веками очи. – Мой щит по условиям соперничества не позволено ставить. Да и потом Небо знает, как он выглядит... Но он не ведает, как выглядит твой, посему ты можешь быть спокоен. Небо не скоро его найдет, и так как гипоцентавры прилетят сразу в три места на Земле, построят там себе для жизни города, как любят делать, зачаток будет в безопасности... Ну, а потом, когда плод наберет силы, и Небо станет спокоен, что ребенок белый, он его не станет уничтожать. Понеже достаточно сильно привязан к тебе, и побоятся расстроить. Так, что глаз, мой милый, все же придется поправлять гипоцентаврам. И да... вот еще, что когда отправишься в систему Шуалина, возьми с собой Круча. Поколь в Млечном Пути нет Асила нужно, чтобы наша кроха, как можно меньше проводила времени обок меня. Оно как, милый малецык, итак слишком от меня зависим. Я страшусь, что когда прилетит Асил, Круч и вовсе не захочет к нему возвращаться... Такое уже было и не стоит тому сызнава повторяться.

Глава седьмая

Стыню так и не удалось помочь Есиньке с глазом, хотя в ближайший месяц он не раз проводил толкование с Отцом, впрочем всяк раз слышал один и тот же ответ. Не уступал сыну Перший по причине того, что боялся навредить Крушецу, словно ощущая, что с тем происходит даже неладное.

Однако, Еси в отличие от Стыня и Липоксай Ягы совсем не тревожил глаз и потеря зрения. За прошедший после первой близости с младшим Димургом месяц девушка и вовсе окончательно перестала видеть. Черное пятно полностью поглотило видимость и остановило движение в самом глазу. Если, что и волновало юницу, это лишь редкий приход Стыня да смена их места встречи. Теперь он уносил ее не на остров затерянный в океане, а на крошечный островок посередине реки Иловой, выглядывающий из воды своим круглым пяточком, поросший невысокой травой и по краю, вроде тына окруженный рядьями ярко-алого петушка.

Волновал Еси только редкий приход Стыня. Обаче, появилось то, что стало ее очень сильно пугать... И пугать стало с недавнего времени. Ибо давеча в голове девушки давление и туман рассеялись, и вновь появились тягучие стоны. И если раньше Крушец пытался закричать и звал в тех всплесках Отца, днесь слышались только его тягучие стенания, смысл которых юница не понимала. Однако, она ощущала, что это связано с той божественной душой, о которой толковал Липоксай Ягы. Право молвить, девушка боялась зримой двойственности меж собой и душой. Так, точно в ней единожды существовало две разные сущности, дотоль бывшими единым целым, а после лечения вакан разделившихся... распавшихся... раздробившихся.

Есислава понимала, что об этом надо потолковать со Стынем, не только как с возлюбленным, но и Богом. Тем паче тот все время спрашивал ее о жизни у манан, но вместе с тем боялась и вовсе чем-либо с ним поделиться. Думая в данном случае, как присуще человеку, что ее явственная болезнь может расстроить их отношения.

Тем не менее, Есиньке все же пришлось рассказать о произошедшем у манан, одначе, утаив и про боль во время вмешательства вакан, и про стенания Крушеца. Девушка лишь поведала Стыню о видениях... и поведала, потому как они вновь появились. Днесь видения прошлого приходили с учащающейся частотой, если по первому сие были дымки ушедшего, возникающие раз на дню, вмаале они стали проявляться четкими фрагментами... четкими и весьма ясными. Почасту в тех видениях девушка видела многорукую, голубокожую женщину, и, даже ощущала на своей коже ее полюбовные, родительские поцелуи. Реже она зрела белокожую, худую и очень красивую женщину с миндалевидным разрезом очей, в которых и вовсе не имелось ни радужной оболочки, ни зрачка, всего-навсего белая склера наполняла их внутренность, а по ней иноредь кружили золотые спирали, аль они и вовсе меняли цвет на золотистый, такой, каким подсвечивалась кожа Богов. В моменты тех видений Еси ощущала дикую и явно болезненную тоску и тогда слышала те самые тихие стоны.

– Что это такое? Кто эти женщины? – наконец решившись, рассказала о своих новых видениях Богу Есислава.

Это произошло, как и понятно, на острове, где разбил приют для их любви Стынь... И где, несмотря на отсутствие какого-либо навеса, всегда царил полумрак и прохлада, будто солнечные лучи обходили его стороной, очерчивая тем самым едва зримую полусферу. Младший Димург, к собственной радости добившийся требуемой от него Отцом доверительности, возлежал на левом боку, подперев голову рукой, и нежно гладил перстами лицо лежащей подле него девушки, проводя по коже ее щечек, выпуклой спинке носа, аль алым устам. Услышав мольву юницы, он напряженно замер, перестав даже голубить ее кожу, остановив движение перста на верхней полноватой губе с четко прорезанными уголками, а после очень тихо ответил:

– Это женщины из твоего прошлого.

– Моего? – удивленно переспросила Есислава и Стынь медленно кивнул.

Когда девушка впервые рассказала о видениях ушедшего у манан, а Стынь передал Першему, последний не просто услышанному расстроился, он зримо испугался. И присутствующие на тот момент в зале Стынь и Круч это увидели. Старший Димург погодя сумел справиться с собственными чувствами и предал взгляду спокойствие, а толкованию властности, потому попросил сына быть более внимательным к тому, что рассказывает девочка и на вопросы ее отвечать предельно правдиво и четко.

– Разве такое может быть? – погодя спросила Есинька и нежно улыбнулась золотому сиянию кожи Стыня, сызнова поглотившему все коричневу. – Ведь люди не могут вспоминать свои жизни. По верованиям дарицев душа человека многожды раз перерождается, однако он не может вспомнить события прошлых жизней.

– Потому как, – Димург на чуток задумался, стараясь подобрать правильность объяснений и нескрывая тревожно, вероятно, также как давеча в зале слушая его, смотрел Перший, оглядел девушку. – Они те воспоминания... вроде как снимаются... смываются с души.

– В огненно-солнечной реке Смородине? – повторила юница слова из древнего предания дарицев.

– Ну, можно и так сказать, – глубокомысленно протянул Стынь, сейчас понимая, что сказывать ту самую правду не стоит.

– А я значит не душа, – чуть слышно продышала Есинька и сомкнула глаза, наслаждаясь теплом этого дня, легкими едва ощутимым касанием о тело любимого. – Я значит эта... как же они говорили... Ах, да, лучица... Внутри меня живет не душа, а лучица, потому я ощущаю эту раздвоенность, да?

Девушка смолкла, ожидая ответа от Бога, на слова, каковые она вельми хорошо разобрала, прозвучавшие из уст одной и второй женщины из видений. Впрочем, Стынь не ответил. Еси медленно отворила глаза и узрела в черных очах Зиждителя испуг... явственный, который точно блеснул крупными боками слез.

– Почему ты молчишь, Стынюшка? – нежно проронила юница, вкладывая в величания Бога всю свою человеческую чувственность.

– Ты чувствуешь раздвоенность... давно? – низким гласом поспрашал Димург и девушке показалось, дрогнул не только он, но и столь мужественные черты лица возлюбленного.

Стынь скоро перевел взор с лица девушки и взглянул на маленькую с ноготок голубую бабочку, неожиданно возникшую над алым соцветием петушка, торопливо замахавшую своими махами крылышками. Он явно желал прощупать Еси, но так как это в категоричной форме запретил делать Отец, благоразумно погасил свое желание и перевел взгляд на порхающую бабочку, иль может божественной мощью его взора мгновенно вызванную. В этот раз, однако, не ответила Есислава, она почасту так делала... особенно если это касалось испытанного у манан, и также почасту переводила разговор в иное русло, оное интересовало лишь ее. Вот и сейчас, она, резко поднявшись, села и оглядела омывающую со всех сторон островок зеленую реку, вяло волокущую свои переполненные илом и потому такие тяжелые воды, с тем боясь потревожить общение двух находящихся на нем.

– Те женщины из видения, имена которых я не уловила, – молвила Есинька продолжая говорить о том, что тревожило ее. – Они называли меня по разному... лучица, госпожа, Владелина... Владелина... Я была в прошлой жизни ею... И если ты даже не ответишь Стынь, – дополнила свою речь девушка неотрывно уставившись на выскочившую из воды блеснувшую своей серебристой чешуей большущую рыбину. – Ничего не изменится. Я теперь уверена, что в прошлой жизни была этой Владелиной... Теперь понимаю, почему Боги ко мне приходят. Огонь, он наверно и есть Отец этой самой лучицы, моей души... естества.

– Нет не Огнь, – торопливо отозвался младший Димург, и также поднявшись с травы, покрывающей оземь на островке... мелкой, словно мурава. – Огнь предок твоей плоти... Лучица хоть и связана с ним, в целом, как и со всеми Богами, не является его порождением.

– Значит это Перший... Перший мой Отец, – чуть слышно дыхнула Есиславушка, и торопливо развернувшись к Стыню уткнулась лбом в его такую же темно-золотую грудь лишенную волосяного покрова, нежно туда поцеловав. – Перший мой Отец... так я чувствую... слышу... знаю. Ох! как я тому рада! – дополнила она много порывистой, так и не услышав ответа от Бога, каковой всего-навсе полюбовно прикоснулся губами к ее виску.

После этого разговора Стынь несколько дней к Еси не приходил, сославшись на свое отбытие в соседнюю систему, чем вельми ее расстроил. Впрочем, девушка понимала, что у Бога есть обязанности... Ведь она не знала, что каждый его шаг сейчас контролировался Першим. И старший Димург решил, что покамест надо им обоим воздержаться от встреч. Думая, что может так присутствие Стыня влияет на Крушеца. Предоставляя возможность человеческому, поколь... поколь более значимому взять власть над ними обоими.

Есислава, несомненно, расстроенная отсутствием любимого меж тем была счастлива подле Липоксай Ягы, человека которого всегда считала своим отцом. Вещун же чья жизнь теперь существовала только в дорогом чаде, старался всеми силами спасти ее зрение. Посему за более чем месяц пребывания обок него Есиньки обратился не только к кудесникам, но и к помощи местных темнокожих шаманов. Право молвить, знания которых были далеки даже от знаний дарицев, посему шаманы никак не могли поправить зрение девушки. Весь этот месяц, что был наполнен для юницы любовными и тайными... тайными даже для Липоксай Ягы, встречами со Стынем, старший жрец готовился к проведению обряда по наречению Есиславы своим преемником и наложению на нее не только статуса, но и обязанностей. Впрочем, девушка о том ни желала, ни говорить, ни даже слушать и всякий раз демонстративно разворачиваясь, уходила. Во-первых, теперь... после пережитого она не собиралась поддерживать верования дарицев, а во-вторых, уже имела любимого, и по той причине не хотела пользоваться положенным старшим жрецам послугами наложниц... а в ее случае наложников.

Спустя два дня, как произошел разговор на острове меж ней и Стынем, поутру Еси стало рвать. Не пришедшее в свое время очищение юница посчитала временной задержкой, но когда ее стало тошнить, а после и рвать, поняла, что она ждет ребенка... Ребенка от любимого Стынюшки... ребенка который нарушал все традиции дарицев и старших жрецов, к касте которых Есиславу относили.

В эти же дни из Галактики Крепь вернулся Асил и на очередной встрече с братьями, Перший рассказал о видениях девочки. Боги сидели в зале на маковке Димургов, в пухлых сизых облаках, в тон, похоже, плывущим мрачным кучным полотнищам в своде и той молви, что высказал зримо расстроенный старший Димург. Не менее озабоченным смотрелся Асил, потому как круговерть из-за коей его вызвал Усач, оказалась, на самом деле, лишь тонкой пылевой прорехой и могла быть заштопана им самим. Обаче, самим недовольным в зале был явственно Небо, который по началу долго искал щит, установленный Асилом над Еси, когда же, наконец, его нашли дяды, выяснилось, что Круч отдал девочку Стыню. А теперь еще получалось, что у лучицы и вовсе наблюдаются признаки болезни.

– Надобно Перший, – молвил Рас, стоило только смолкнуть старшему брату. – Изъять девочку на маковку и осмотреть... Несомненно, с лучицей, что-то происходит. И это не просто какая-то хворьба али отключение, как было в первой жизни. Это может оказаться более серьезным. Я выделяю свой голос на данное действие. Асил, ты, что о том думаешь?

– Если Отец считает это необходимым, – незамедлительно отозвался старший Атеф. – Конечно, мой голос – да!

И тотчас тягостно вздохнул... Асил был вельми удручен... У него последнее время все складывалось как-то не очень. Не только Усач, так несерьезно подвел его, этой несущественной прорехой. Не только Круч разрушил его замыслы, отдав девочку Стыню и днесь весьма недовольно уходил от Першего. Но теперь выяснялось, что проблемы у лучицы воочью начались с того момента, как она попала к мананам, а значит к нему. Асил, как и все Боги, нынче нуждался в поддержке... И ту поддержку мог оказать один Перший. Он мог и умел убедить, поддержать, но нынешнее его зримое расстройство, лишало сил и самого Асила, посему Бог не только мрачно смотрел на все, а деревце в его венце попеременно краснело, или вспять бледнело, но и тягостно дышал.

– Успокойся, мой милый, – умягчено произнес Перший, направляя ту молвь Атефу, и явственно ощущая его смурь. – Мы с тобой все обсудим, и осторожные действия Усача, и поведение Круча... Не надобно только так дышать и гневаться, меня сие вельми раздражает... По поводу лучицы, я уже сказал вам. Поколь нельзя девочку перемещать на маковку, абы данное действие может стать опасным. Видения... видения это просто ужасно, это точно болезнь, нарушение всего развития. Но мне непонятно одно, почему лучица не подаст зова... Может все же получился какой-то временный сбой, и в мале все пройдет. Ведь, ты, Небо, говорил, она сама обучалась... Похоже уже тогда, что-то случилось и Кали-Даруга того не определила.

– Все было выполнено, как велел Родитель, – задумчиво протянул страший Рас, и в голосе его прозвучало огорчение... Огорчение, досада, но всего-навсе на собственные поступки, которые могли принести урон лучице, кои, будто отозвались в поверхности его облачного кресла, где сизость цвета сменилась на свинцовость с белыми крупными чревоотчинами.

– Я, малецык, тебя ни в чем не упрекаю... Уж если кого упрекать только меня, – протянул Перший и провел перстами по коже лица, с тем смахивая оттуда нежданно выплеснувшееся зримое расстройство. – Но думаю, что сейчас нельзя торопиться... Надо быть весьма осторожными, посему хочу, чтобы Стынь принес мне отображение девочки. И с ним я отбуду к Родителю... Уверен, Родитель сумеет нам посоветовать, как поступать с лучицей.

Есиньку рвало уже второе утро, а слабость и головокружение соседствовали весь день. Девушка старалась скрыть свое состояние, но Липоксай Ягы его почувствовал и повелел Житовабу осмотреть ее ясность, на что, как и понятно, от последней получил отказ... Отказ, который озадачил знахаря, однако еще больше Липоксай Ягы, вероятно, приметившего частое отлучение своей девочки куда-то... Куда-то без объяснений.

Однаке бес, прицепленный к старшему жрецу, немедля передал испытанные волнения уже выпущенному из каземата Мерику... А черт в свой черед доложил Господу Стыню... Стынь же, получивший указания от Отца на выполнение того самого отображения, не мешкая прибыл к Есиньке. Бог, в морг, выхватив девушку из сада, унес ее на остров. Очевидно мгновительность переноса, али то, что нынче Еси особенно тошнило, едва ноги ее коснулись поверхности земли, как она торопливо кинулась к воде и туго сотрясаясь, вырвала все, чего так долго удерживала в желудке.

– Ох, Стынь! – подымаясь с корточек, и утирая мокрые от воды губы ладонью, проронила юница. – Я беременна, понимаешь какой ужас.

– Ужас? – изумленно повторил младший Димург, и оглядел девушку, одним махом окинув с головы до ног. – Если ты считаешь это ужасом, я моя прелесть, могу избавить тебя от того... от ужаса.

– Ах! Да, нет! Я не о том, – девушка шагнула к Богу, и, прикинув к груди того, глубоко втянула его дух схожий с ночной прохладой. – Я о том, что теперь делать, – пояснила она.

– Ежели ты решишь оставить ребенка, – достаточно ровно отметил Стынь, правой рукой обхватив и прижав к себе хрупкое тельце юницы, тем словно заслоняя от замыслов Родителя. – Судя по всему, его будет надобно родить.

– Конечно, родить, тем более это твое дитя... Твое, мой любимый Стынюшка, – спешно проронила Еси, вроде как даже испугавшись, что Бог прямо днесь, по ее столь неразумным словам, лишит того с кем она уже однозначно сроднилась. – Просто, как теперь быть с Липоксай Ягы?.. Как я ему скажу, что жду дитя... и от кого?

– Ежели ты страшишься того ему поведать, – тотчас молвил Димург, успокоительно поглаживая Есиньку по вьющимся рыжим волосам. – Я ему скажу. И, естественно, объясню, что это мое дитя. И, что это великий дар, ибо Боги вельми редко дарят людям от себя продолжение. И, да, моя радость не тревожься, малыш родится белым. Ну, быть может самую малость смугловатым. Он будет похож на тебя. – Стынь ухватил перстами подбородок юницы, и легохонько вздев ее голову, не скрывая испытываемой нежности к ней, добавил, – на тебя... моя Еси.

Теплые, вроде как даже обжигающие своим золотым сиянием губы Бога ласково коснулись кожи лица девушки. Они очень трепетно прошлись по щеке и облобызали ее очи.

– Как твой глаз? – едва слышно дыхнул Стынь.

– Хорошо, – также тихо отозвалась она.

Бог всегда при встрече спрашивал про больной глаз, а потому, чтобы не беспокоить его, Есислава торопливо сомкнула оба. Вроде таковым образом затаила внутри себя погибший орган.

– Ох, Еси..., – мягко произнес Стынь и сызнава коснулся губами лица юницы, поцеловав теперь ее в кончик носа, а после в подносовую ямку. – Глаз уже ничего не видит... Но сие, моя девочка не надолго. Если мне не удастся тебе помочь в ближайшие дни, на оное я очень надеюсь, вскоре к вам прилетят посланцы Богов, народ гипоцентавров во главе с императором Галактики Северный Венец Китоврасом... Это один из самых значимых народов в нашей Вселенной, и они, безусловно, вернут тебе зрение... И объявят нашего сына прямым отпрыском и телесным воплощением светозарого Бога Солнца, и единожды внуком погибшей Луны. Мальчик будет провозглашен правителем дарицев, источником жизни, покровителем земли.

– А ты? – взволнованно поспрашала Есислава и отворив глаза, воззрилась в черные, почти лишенные склеры очи Бога.

– А я... моя радость, буду подле вас, – пояснил вкрадчиво Димург, продолжая меж слов целовать девушку, уже более настойчиво, стараясь заручиться ее согласием. – И никто, кроме тебя и Липоксай Ягы не будут ведать, что темный Бог дарицев Стынь... Зиждитель холода, каковой ноне правит на всех остатках благословенной Дари, сковавший ее снегами и льдами, есть отец этого мальчика... Мальчика которому надо придумать красивое имя. Имя, в коем чувствовалась его божественность, подчиняющая себе не только белых, но и черных людей... – Стынь на немного прервался, и полюбовно прикоснулся к губам девушки, чуть слышно додышав, – но допрежь того, как мы выберем имя, нашему мальчику... Я прошу тебя... прошу, моя милая, разрешить мне тебя прощупать.

Глава восьмая

Еси сегодня допоздна засиделась в саду на своей скамейке и это несмотря на обилие комаров. Эти пренеприятные создания порой были столь активны, что нападали на людей и днем. И нынче они нещадно кусали, хотя девушка и натерлась мазью, которая совсем чуть-чуть отпугивали сих надоедливых созданий.

Но даже вопреки, их явственному и раздражающему жужжанию, а иноредь и кусанию Есислава не торопилась к себе в опочивальню. Во-первых, потому как ноне Месяц особенно ярко сиял на небе, наполнившись желто-серебристым светом и тем своим дивным колыхающим сиянием напоминал юнице Дари, за гибель каковой она все еще ощущала вину. А во-вторых Есинька страшилась вернуться во дворец, ибо знала, что Стынь должен был потолковать о ее беременности с Липоксай Ягы. Девушка, как и понятно, разрешила Богу давеча себя прощупать... И хотя он действовал достаточно мягко, Еси во время того действия потеряла сознание. Посему младшему Димургу не удалось сделать полное отображение состояния лучицы, как требовал Перший... Впрочем, и того, что успел сделать Стынь стало поколь достаточным, так успокоительно для сына молвил Перший.

Есислава пришла в себя еще там, на острове, под жаркими поцелуями Стыня, чрез которые он точно вогнал в нее силы. Посему чувствовала себя хорошо. Если не говорить о почти целой череде четких видений, что пришли сразу после возвращения во дворец да вовсе какого-то мучительного стенания лучицы, в коих теперь сызнава явственно звучали просьбы о помощи и величания Отца, Кали, иноредь вырывающихся и выстреливающих в мозг острой, хотя и не продолжительной болью.

Видения погода прошли, также как и боль... Потому Есинька сейчас и сидела на скамейке, тревожно обдумывая встречу Стыня и вещуна. И страшась ответа Липоксай Ягы на столь неоднозначную новость по поводу ее беременности. И более всего Есиславушка, пережившая духовное одиночество среди чуждого племени, боялась, что старший жрец ее изгонит, так как она нарушила все традиции дарицев... Дарицев, которые всегда в строгости держали своих дочерей, и беременность вне замужества считалась позором для чести всего рода.

Подолгу, вздев голову, девушка всматривалась в темно-марные небеса, где, будто напекор яркости Месяца вельми зримо проступали мерцающие звезды такие серебристо-белые, трепетно ее любимые и призывно зовущие к себе.

– Ты, заметила моя милая, – благодушно произнес идущий по дорожке в направлении к скамейке Липоксай Ягы, кажется, в доли мига вышедший из темноты. – Что Месяц после катаклизма стал проходить свой круг обок Земли, много ближе и сам в размерах увеличился, чуть ли не в треть. Наверно его коло движения сдвинулось и ноне стало составлять вже не сорок суток.

– Нет, отец, я того не заметила, – дрогнувшим голосом отозвалась девушка и поднявшись со скамейки взволнованно уставилась на подходящего старшего жреца.

– Я тоже не заметил, о том мне доложил Браниполк, – пояснил Липоксай Ягы, и, приблизившись вплотную к юнице, накинул ей на плечи каратайку. – Тут, моя душа, вечерами прохладно, дует с реки, не выходи не одетой... Тем паче, днесь тебе надо беречься за вас обоих.

– Отец, – глас Есиславы и вовсе надрывно сотрясся, и она едва качнулась, ощутив мощную слабость во всем теле. – Ты меня не изгонишь? теперь... когда...

– Изгоню? – повышая тембр голоса, словно жаждая взорваться от возмущения, протянул старший жрец. – Да, я не смогу засим без тебя жить, моя девочка... моя Есинька... Что ты такое говоришь.

– Боялась... так боялась, что ты не примешь моего малыша, – чуть слышно додышала Есислава, и, шагнув ближе к вещуну, торопливо приникла к нему телом и головой, спрятав... схоронив себя в объятиях человека который любил ее всегда больше жизни.

– Моя радость... душа... Есинька. Ты для меня дороже всего, что было, есть и будет, – прошептал, целуя девушку в волосы, Липоксай Ягы. – И я никогда не откажусь от тебя и от твоего ребенка. Тем более это сын мною весьма почитаемого и любимого Бога Стыня. Даже не представляю, что это будет за дитя...

– Мальчик, – тихим наполненным счастьем и радостью голосом отозвалась Еси, и, раскрыв руки, обняла вешуна, отчего каратайка дрогнув, соскользнула с ее плеч. Одначе, старшему жрецу удалось не только узреть, но и вовремя подхватив вещь, сызнава вернуть ее на плечи любимого чадо.

– Стынь, сказал, будет мальчик. И мы даже придумали ему имя, – добавила она воркующе и широко просияла.

– Мальчик, – ласково откликнулся Липоксай Ягы, целуя юницу в лоб и оглаживая книзу ее встрепенувшиеся от порыва ветра волосы. – Это хорошо... Потому как я еще не воспитывал мальчиков, лишь прекрасную девочку. И какое имя вы придумали нашему мальчику? – спросил он с явным трепетом, от чувств проскользнувшим по всей его плоти.

– Ярило. Это значит стремительность, быстрота, сила, свет, восходящее солнце, – молвила Есислава, и слегка отстранившись от вешуна, заглянула в его блестяще-голубоватые от света месяца очи. – Такого имени еще не было у дарицев. Стынь говорил, это имя не принадлежит к людским. Его даруют своим детям создания из иных миров, более высокоразвитых в духовном смысле.

– Ярило, – протянул Липоксай Ягы, и, склонившись к юнице, вновь поцеловал ее в лоб.

Он, как и Стынь, приметил, что после возвращения от манан, о которых Еси также неохотно говорила и с ним, голова ее более не озарялась лучами смаглого света. Тем не менее, трепет каковой вешун всегда испытывал, прикасаясь к юнице, кажется, многожды усилился и теперь отдавался в его руках легкой вибрацией.

– Красивое имя, мне нравится, моя душа, – нежно отозвался старший жрец, и сызнава ощутив ту самую вибрацию, мягко улыбнулся. – И думаю понравится дарицам.

– Ах, отец, как мы только дарицам объясним, откуда взялась моя беременность... Я о том все время думаю, – взволнованно продышала Есислава и уткнулась лицом в грудь вешуна, пугаясь и единожды радуясь произошедшему.

– Бог Стынь велел поколь не кому не сказывать о том, – негромко отозвался Липоксай Ягы и бережно обхватив девушку за плечи, неторопко опустив, посадил на скамейку, и сам воссев подле. Он сделал так, понеже ощутил легкий трепет всей плоти девушки, пробежавший с головы до ног. – Не сказывать покуда о ребенке никому. Через полтора, два месяца, не более того, к нам придут посланцы Богов, народ, – вешун на малеша смолк, припоминая удивительное величание народа. – Гипоцентавры, – вспомнив, дополнил он. – Они объявят дарицам, что ты ожидаешь божественное дитя, кое является прямым отпрыском и телесным воплощением Бога Солнца. Ну, а дотоль я надеюсь, с тобой все будет благополучно. Бог Стынь велел, коли что-то с тобой будет не так сразу о том ему докладывать.

– Не так... – прошептала Есинька, припоминая нынешние видения. Обаче, не желая расстраивать старшего жреца, тихонько дополнила, – со мной все будет хорошо.

Вешун и девушка опершись спиной о деревянный ослон скамейки, сверху укрытый мягким тканевым покрывалом замерли, точно расслабившись под лучами Месяца. Есислава успокоено вздохнув, прислонила голову к плечу старшего жреца, ощущая лишь обок него защищенность.

– Почему только, – погодя, словно самому себе сказал Липоксай Ягы, очевидно то, что его весьма волновало. – Почему Бог Стынь не может своей мощью излечить твой глаз, и вернуть зрение... Ведь силы Зиждителя безмерны.

– Силы безмерны, – тотчас принялась пояснять девушка, и, повернув голову в сторону старшего жреца, нежно поцеловала его в плечо. – Но в божественных делах все разделено. Каждый занимается тем, что предписано. И Боги никогда не лечат людей... Они вообще не лечат, в том для них нет надобности. Да и силы свои они не должны тратить на такие мелочи. Для тех нужд существуют определенные создания. Стынь, сказал, зрение мне вернут гиппоцентавры так, что не беспокойся более о том отец, и по поводу моего здоровья тоже. Меня больше тревожило, что ты можешь посчитать мое положение позором для чести жреческой касты.

– О, моя дорогая девочка, – ласково молвил Липоксай Ягы и теснее приобняв юницу за стан, привлек к себе. – Я бы никогда... ничего такого не позволил себе подумать, сказать... слишком сильно тебя люблю. Однако дарицы... увы! именно так и подумали бы. Коль бы еще не хуже сочтя, что тобой овладели демоны или бесы.

Вещун произнес ту молвь и резко прервавшись, смолк, точно озвучил какую глупость подле божества и тому явственно расстроился. И меж отцом и дочерью, не всегда кровными... иногда только духовными, сплоченными жизнью, наступив, поплыло отишье. Лишь слышалось тихое жужжанье... попискивающе-растянутое гудение комаров слетевшихся к пиру на запах человеческой юшки. Откуда-то издалека долетало раскатистое трель... трель.. ту выдуваемое какой-то малой птахой.

– Знаешь, отец, я хочу тебе кое-что рассказать, – наконец, прервав гудение комаров и подавляя окрики птички, произнесла Есинька. – После того как я попала в поселение манан, народа Бога Круча у меня появились видения. После возвращения к тебе они на какое-то время утихли, но сейчас вновь появились и можно молвить участились. Я рассказала Стыню о них и он сказал, это не видения, а события моей прошлой жизни.

– Прошлой жизни, – едва слышимо повторил старший жрец, и в тембре гласа его прокатилось изумление.

– Да из прошлой жизни, – молвила юница, и для значимости произнесенного выскользнув из объятий вещуна, воззрилась в его едва озаряемое желтоватым сиянием месяца широкое с крутым лбом лицо. – Нынче и вовсе эти видения оказались такими мощными, яркими... и я многое из них поняла. В той, прошлой своей жизни я была первой женщиной Владелиной. И родила своего единственного сына от Бога Огня. А демон... вернее демоница, имя которой рани Темная Кали-Даруга являлась для той Владелины вроде ты для меня... вроде матери... И Владелина ее очень любила. Такие четкие воспоминания я в них не только видела эту Кали, но и чувствовала ее любовь. Понимаешь о чем я отец? – Глаза Липоксай Ягы зримо в свете Месяца увеличились от удивления, вероятно, втрое. – Демоны, – продолжила говорить девушка, – это не потусторонние силы, оные противостоят Богам Света, исполняя веления Першого направленные на колебание веры и традиций дарицев. Демоны это не странные, неведомые, а зачастую и ужасные существа из преданий встреча с которыми может принести смерть как физическую, так и духовное отклонение от истинных верований. Демоны, отец, это народ, созданный Богом для определенной цели.

Есислава смолкла, обдумывая, как о видение рассказать более доходчивей вещуну. И вспомнила давешнее видение... такое насыщенное, жизненное. Она застыла в кресле в своей опочивальне, и, сомкнув очи, точно провалилась в события той жизни... не просто услышав молвь, но ощутив и запах, и звуки, царящие окрест нее... вернее окрест Владелины. Сладковато-гравные ароматы лугов ударили в нос, а в ушах послышался посвист и перелив песен жаворонка аль соловья.

– Как и у иных племен, – проплыл низко-мелодичный голос Рани Черных Каликамов и пред очами точно колыхнулась россыпь черных, густых волос плотно укрывающих ее

спину. – Таких как белоглазые альвы, гомозули, вьян друды, бесицы-трясавицы, трикстеры, дивьи люди, асанбосамы и многие иные созданные для определенных целей, и демоницы являются творениями Бога. Наш Творец Господь Перший создал нас трех сестер: меня, Калюку-Пурану и Калику-Шатину первыми созданиями Вселенной и для определенной цели... И эта цель воспитание лучицы, самого дорогого, бесценного творения для всех Зиждителей и Родителя.

– Лучицы? – переспросил Липоксай Ягы, теми поспрашиваниями возвращая Еси в эту жизнь.

А в голове старшего жреца нежданно туго кольнуло... так, что он зримо перекошил уста. Несомненно, бес, восприняв рассказ девушки, передал его по иерархии ввысь, непосредственно Мерику, который освободившись от каземата, с особой тщательностью выполнял все указанное ему Господом Першим.

– Да, лучиц... Демоны воспитывают лучиц, – добавила Есислава, впрочем, не решившись пояснить вещуну, что лучица и ее душа есть единое целое. – Они демоны и впрямь выглядят несколько необычно. У них четыре руки, три глаза и голубая кожа, иначе, это совсем не злобное, как считают дарицы, существо, а вспять очень хорошее... светлое.

Еси, конечно, ошибалась, определяя демонам всего-навсе положительную роль, выступая со стороны испытываемых Владелиной чувств. Ведь не Влада... не тем паче она не знали, как в свое время расправилась Кали-Даруга с Братосилом. Не знала, что это племя вообще достаточно жестоко относится к человеческому роду, и не только в данном случае имели значения, испытываемые рани Черных Каликамов старые обиды, но и вообще... вообще демоны не любили людей. Действуя впрочем, всегда лишь в рамках предписаний али установленных законов. Каковые скорее всего на начальном этапе жизни землян, напугали детей и тем предопределили в них развитие того самого не благовидного образа демонов, со временем и вовсе навесившего на них метки отрицательных, злобных существ.

– Мне кажется... эти видения, – достаточно беспокойно произнес Липоксай Ягы и тягостно вздохнул. – Что-то не совсем нормальное... болезненное и наверно вызванное перенесенными страданиями. Что о них тебе сказал Бог Стынь?

– Он, похоже, тоже встревожен, – отозвалась Еси и судорожно дрогнула.

Определенно, ей о том было сложно думать... говорить... Еще сложнее видеть свое (как она считала) прошлое, ощущать испытанные чувства, пережитую радость, горесть и такую трепетную близость, любовь Богов, в первую очередь Расов.

Есислава и Липоксай Ягы долго еще сидели на скамейке, наблюдая за небесами, где неспешно двигался повдоль небосвода оставшийся одиноким... одиноким на веки, тысячелетия спутник Месяц. Они разговаривали не только о видениях девушки, не только о ее здоровье, но и о том, что составляет, насыщает жизнь... существование любого народа. Они толковали о верованиях... о понятиях добра и зла... света и тьмы... о душе. Они не спорили... не горячились, потому как оба знали много больше чем обычные люди... общаясь... непосредственно соприкасаясь с Одной и Другой стороной бытия.

Глава девятая

На следующее утро, когда толком и не рассвело, в приглушенной плотными занавесами опочивальне Есиславы возник Стынь. Он своим мгновенным появлением наполнил все помещение золотыми переливами света, немедля пробудив девушку, которая заснула всего несколько часов назад, по причине новой полосы видений. В этот раз, однако, младший Димург прибыл не один, а вместе со странным существом, коего крепко держал за руку, потому как оно... это самое создание желало вырваться, отчего яростно подергивало ногами, извивалось всем телом и даже верещало. Хотя верещало оно тихо, точно и само того самого своего верезжания боялось, аль боялось им самим разгневать Господа.

Еси торопливо поднявшись с ложа, села и с нескрываемым удивлением уставилась на прибывших. Ноне Стынь пришел в своем обычном виде, а посему возвышался могутной стеной, почитай касаясь головой свода комнаты, однозначно аквамарин в навершие его венца уперся в него голубой гранью. Посему в сравнение с Богом создание смотрелось низким, если не сказать маленьким. Похожее на женщину, творение было вельми худобитным, точнее даже, тощим, на кости которого, верно, сразу натянули серую кожу. Потому и сами чагравого цвета кости явственны сквозь ту тонкость проступали, и коли на груди вырисовывались округло-выпирающими рядьями ребер, вспять угловато топорщились в суставах на локтях, коленях, плечах и запястьях. Существо было голым, одначе, вместе с тем на нем отсутствовали какие-либо признаки пола, волос. Туловище по форме схожее с человеческим, имело несколько угловатый скат, из которого, словно из единой макушки, выходили ноги, также весьма худые и завершающиеся здоровущими стопами, лишенными пальцев, вместо каковых там находилась покатая впадина. На голове чем-то напоминающей сычнину, крупной, широкой с ярко выраженным лицевым диском и маленькими, торчащими кверху из навершия ушками, слегка увитыми черными курчавыми волосками, присоседились короткие, серо-дымчатые лохмотчатые волосы, вроде даже несколько их клоков. Само же лицо и вовсе казалось дивным, ибо не имело как такового носа, в том месте у создания просматривалась полусферическая выпуклость, с выступающими, слегка даже вывернутыми устами, да большим единственным глазом. Одначе, око, было значимым во всем лице существа, так как не только казалось огромным в размере, но и помещалось в центре лба. Глаз не имел, как таковой радужной оболочки в нем находилась лишь ярко-желтая склера и крупный, квадратный, черный зрачок.

– Трясца-не-всипуха, – довольно-таки строго протянул Стынь и резким движением руки стряхнул с себя бесицу-трясавицу, швырнув ее в направление ложа Еси. – Тотчас осмотри левый глаз девочки и доложи что с ним. – И уже слышимо только для создания, дополнил, – лучицу не задень, она итак напряжена.

Трясца-не-всипуха на самом деле по росту не намного выше, чем девушка, шибанувшись об деревянную грядущку ложа, повалившись на ковер, обидчиво всхлипнула, а посем достаточно скоро вскочила на ноги. Всполошено оглядевшись, словно изучая комнату и отступление из нее, она все также нервно ступила впритык к ложу, единожды с тем направив в сторону юницы левую трясущуюся руку, где тонкая кисть переходила в три долгих перста с небольшими бугорками в навершие без ногтей.

– Еси, – мягко протянул Стынь, узрев как испуганно зыркнула на ту руку девушка. – Приляг, моя милая, Трясца-не-всипуха осмотрит твой глаз.

Есислава еще малость взбудоражено оглядывала и саму бесицу-трясавицу, и ее руку с тончайше натянутой на ней кожей, а погода медленно легла на одр, положив голову на подушку. Трясца-не-всипуха теперь и вовсе бесперемонно уселась на ложе юницы, сдвинув в бок легкое покрывало, и подвела к большому глазу руку. И тотчас подушечки перст точно присосались к нижнему и соответственному верхнему векам, разом оттянув их, широко друг

от друга. Еще морг и из единственного глаза бесицы-трясавицы выпорхнул едва зримый дымчато-серый столб, а черный, квадратный зрачок, многожды увеличившись в размерах, растянулся по бокам, приняв форму многогранника. Тот столб света мгновенно достиг большого глаза Есиньки и в нем ярко вспыхнув, заблестали малые крохи полымя, вроде сеяных искорок... только не красного, а вспять серебристого полыхания. Луч света не просто коснулся левого глаза девушки, он словно пробил его насквозь, обдав горячим дыханием не только саму внутренность, но и похоже мозг. Так, что от той болезненности застонала не только плоть, но и лучица, а пред очами и вовсе проплыл колыхающий боками марный туман. Трясца-не-всипуха, вероятно, ощутила боль и слабость юницы, аль увидела марево испарений, потому резко дернула головой, и с тем стремительно переместила влево дымчато-серый столб, только засим втянув и сам луч, и пляшущие в нем серебристые искры в себя. Она неспешно убрала перста от глаза девушки, нежным и ошутимо трепетным движением огладив кожу на ее лбу, и поднявшись с ложа, рывком развернувшись в сторону стоящего Бога скрипуче-писклявым голосом, будто желающим расхныкаться, молвила:

– Господь Стынь у госпожи контузия глаза. Была тупая травма, скорее всего полученная вследствие удара, каковая вызвала тяжелые осложнения. Произошло кровоизлияние внутри глаза. Кровь свернулась и образовалась соединительная ткань вокруг органа, засим последовала отслойка сетчатки и как итог око погигло.

– И, что? Столько как всегда болтовни, ничего толком не понять из нее, – весьма раздраженно произнес младший Димург и весь, кажется, сотрясся оттого негодования.

– Глаз уменьшился в размерах и погиг, объясняю коли вы того не приметили сами Господь Стынь, – еще более плаксиво, можно сказать даже надрывно, дополнила Трясца-не-всипуха.

– Как помочь? – теперь к металлическому звону в голосе Бога добавилась и особое сияние его кожи не золотое, а иссиня-черное... точно в тон к темно-синему сакхи. – Да, чего ты молчишь образина такая? Нешто все с тебя надобно силой вытягивать? Как вернуть зрение девочке, я спрашиваю.

– Зрение не вернуть. Нужна пересадка органа, – коротко молвила бесица-трясавица и почему-то гулко зарыдала. К тем стенаниям добавляя еще и глухое кряхтение, точно внутри у нее, что-то рывками рвалось на части.

– Прекрати немедля рюмить, ты меня тем раздражаешь, – грубо заметил Стынь и не менее недовольно зыркнул на Трясцу-не-всипуху, отчего последнюю тягостно качнуло вправо... влево, а в такт с ней заколыхались плотные занавеси скрывающие вход в комнату теплым солнечным лучам. – У нас на маковке, в какой срок можно помочь девочке?

– Помочь можно, – с трудом выдавила из себя Трясца-не-всипуха, явно не в состоянии солгать своему повелителю. – Но без разрешения Господа Першего того нельзя сделать. Тем паче Господь Стынь лучица дюже напряжена, это чувствуется даже при беглом осмотре. Господь Перший...

– Вряд ли сейчас тебе стоит думать о Господе Першем, – перебивая создание, сухо произнес младший Димург и повел головой вправо тем, высвободя ее от своего мощного взгляда. – Господь Перший ноне у Родителя и вернется явно не скоро. Подумай лучше как буду гневаться я, ежели ты не исполнишь надобное мне... Думаю, и мой дорогой брат, Творец бесиц-трясавиц, не станет вступаться за тебя, узнав, как ты меня расстроила. – Стынь, перевел взор теперь на девушку и нежно ей улыбнувшись, дополнил, – Еси, милая моя девочка, оденься... Мы днесь уходим.

Трясца-не-всипуха еще раз встревожено огляделась. Очевидно, она искала возможность убежать, но так как позади нее с ложа поднялась девушка и принялась одеваться, туго вздохнув, обреченно свесила свои руки и голову, видимо, смирившись с собственной участью. Еси-слава меж тем одела на себя годовщину, рубаху из белой ткани, с плечевыми вставками,

с небольшим стоячим воротником. Широкие рукава, собранные у запястья, как и вставки, были на годовщине украшены вышивкой выполненной золотой нитью. А также голубую зоновку, юбку, собранную на талии мелкой складкой, да олочики, обувь из кожи без голенища на мягкой подошве.

– Итак, – наблюдая за тем как одевается юница и при этом зорко поглядывая на замершую бесицу-трясавицу, проронил младший Димург. – Сейчас мы возвращаемся на маковку и там, ты, Трясца-не-всипуха со своими помощницами очень быстро... Очень быстро лечишь мою девочку...

– Быстро не получится, – чуть слышно скрипнула в ответ Трясца-не-всипуха и теперь резко дернула головой вниз, вроде тем рывком жажда ее оторвать и избавить себя в целом от гнева Бога.

– Должно получится, – ровно на этот раз проронил Стынь, и бесица-трясавица спешно кивнула, слегка выгнув при этом не менее долгую, костлявую шею. – И не бойся, я, тебя от гнева Господа Першего сокрою, коли выполнишь как мне надо, – добавил младший Димург и протянул в сторону создания правую руку.

Трясца-не-всипуха резво шагнула к Богу и схватила его за мизинец, но всего-навсе двумя перстами и как-то не дюже крепко, вроде оставляя себе возможность убежать.

– Еси, поди ко мне, – обратился Стынь к девушке и теперь он говорил полюбовно, и та нежность была столь насыщенной близкой не к божьим чувствам, а к человеческим.

Юница уже обувшая олочики на ноги, торопливо обойдя бесицу-трясавицу, приблизилась к возлюбленному. Бог ласково приобнял девушку за плечи, и, прижав ее голову к себе, словно окутав полами сакхи, досказал:

– Днесь, моя милая, мы отправимся с тобой на маковку... ты только не пугайся.

Есинька легохонько кивнула и замерла обок могучего тела Бога. А Стынь неожиданно густо засиял, запылала не просто его кожа, а и материя сакхи, и сам аквамарин в навершие его венца. Мощная волна, словно выплеснувшаяся из плоти Зиждителя объяла своей теплотой девушку и бесицу-трясавицу... Еще миг, и все трое обратившись в горящую золотую искру, покинули опочивальню.

Прошли доли секунд и Еси глубоко выдохнув, оказалась в огромной четырехугольной зале с зеркальными стенами, и высоким, ровным, фиолетовым сводом по которому перемещались блекло-желтые, пухлые облака. Они медлительно покачивали своими объемистыми, рыхлыми боками и тем приглушенным светом, движением придавали черному гладкому полу и вовсе марное сияние. В зале на маковке никого не было, лишь по полу изредка колыхаясь плыла перьевая сизая дымка, и вместе с тем царствовала плотная тишина, каковая неожиданно разрушилась каким-то едва слышимым плямком. Хлюп... хлюп, раздалось вначале в непосредственной близости от Еси, а после также резко смолкло... И только смолкло, одна из стен залы пошла малой зябью.

Стынь замерший подле девушки, тревожно огляделся, по лицу его в такт движению стены пробежала рябь негодования, ибо справа от него не было бесицы-трясавицы. Он торопливо выпустил из объятий девушку и зыркнув в направлении все еще покачивающей зеркальной поверхностью стены, гневливо молвил:

– Сбежала... Вот же образина. Решила меня облыжничать... Ну, ничего... ничего сейчас я тебе устрою, – голос его на чуток стал мягче, и рука огладила волосы стоящей юницы. – Еси побудь тут, я сейчас найду Трясцу. – Засим прозвучав многожды властнее, почитай прогремел, – Мерик! Мерик тотчас ко мне!

Аквамарин в его венце ярко полыхнул голубыми лучами света, и поколь Есинька пересмысливая те указания, открывала рот, Стынь мгновенно, все той же искрой, пропал из залы. Своим уходом, враз сдержав трепетание стен, и наполнив это мощное, полутемное помещение непроницаемой тишиной, каковая надавила на всю плоть юницы.

– Стынь... Стынюшка, – испуганно прошептала Есислава.

Лишь сейчас осознав, что осталась одна в каком-то божественном зале, а Стынь отправился разыскивать Тряцу-не-всипуху, успевшую сбежать на привычной ей территории. Есинька не в силах не то, чтобы осмотреться от мощи, коя давила на нее, но и толком позвать, недвижно застыла. Ощувив, как внезапно сила этого помещения в сочетании с сумрачностью, заползла в ее плоть и сжала сердце, отчего оно яростно застучало.

Глава десятая

Прошло, судя по всему, совсем малое время, в котором девушка попыталась успокоить себя, как та самая стена, что при их появления отдавалась зябью, неожиданно пошла мощными волнами. И словно выступив из той колышущейся зеркальности в помещение возник Перший, в черном сакхи, без рукавов, по полотну которого серебрились крупными пежинами звезды, в серебряных сандалиях и в своем величественном венце, где черная с золотым отливом змея тарашила в сторону юницы изумрудные очи. Вступив в залу, старший Димург немедля опустил голову и удивленно воззрился на Есиславу, каковая от внезапности его появления резко шагнула назад и единожды в бок, да тягостно вздрогнула.

– Еси, – негромко дыхнул Перший своим приятным для слуха бас-баритоном. – Как ты тут оказалась?

Темно-коричневые очи Бога ярко пыхнули светом в направление девушки, и та внезапно почувствовала острую боль в голове. Такую мощную, непереносимую, что не только дрогнули в коленях ноги, но и вся она закачалась взад... вперед... влево... вправо, громко закричав. Еще малость той боли и Есинька вскинула вверх руки, и охваченные тугой корчей пальцы, да обхватила большую поверхность головы, стараясь сокрыть от взгляда Бога лоб и очи. Яркое полыхание смагло света, уже давно не посещающее девушку, выплеснулось долгим лучом из самой макушки ее головы и трепетно заколыхало сиянием... завибрировало, вроде тухнувший на ветру фитиль свечи. Боль теперь отозвалась и в груди юницы, и в спине, желудке, конечностях. Корча свела не только перста на руках, но и ногах. А после густым туманом проплыло воспоминание...

Тугая, вязкая капля крови, прокатившись по левой ноздре, выползла из ее недр и юркнула на губу. Юница торопко хмыкнула носом желая вернуть ее обратно, а после утерла юшку левыми перстами.

– Владочка, – обратился к ней Перший, и голос его был насыщен ни с чем несравнимой теплотой и нежностью, – поди ко мне, девочка.

– Юшка, – тихонько протянула отроковица, выставляя ладонь, на коей полосой живописалась кровь, к Богу, и, ощущая как еще одна капля крови выскочила из ноздри. – Опять течет юшка.

– Поспеши... поспеши моя бесценность, – все с той же теплотой в тоне позвал ее Перший, с мягкостью и одновременно властностью коей невозможно было противостоять. – Я остановлю юшку.

Есислава громко кашлянула и теперь на своих губах ощутила густые хлопья юшки, только выскочившие не из носа, а из глубин глотки. Сияние смагло-вибрирующее поглотило видение, и девушка услышала властно-вкрадчивый бас старшего Димурга днесь обращающийся к ней:

– Еси, девочка моя, успокойся. Ты, слышишь меня, моя милая... Сейчас тебе надо взять себя в руки, и глубоко вздохнуть... Пожалуйста, бесценная моя, глубокий вздох.

Мощный глас Бога точно влез в уши юницы и наполнил своей массивностью всю ее, притушив сияние и изгнав боль из плоти, оставив лишь колотье в голове. Тугой сгусток крови выплеснулся из горла и переполнил рот Есиньки, а после плюхнулся ей на губы, заливая своей аlostью подбородок. И тотчас девушка, прерывисто вздохнув ртом, узрела стоящего недалече, неотрывно смотрящего на нее Першего, да ощутила слабость в теле... дрожание конечностей, перст, из которых ушла корча, и трепетание языка.

– Умница... какая умница, – прозвучал сызнова голос старшего Димурга, теперь уже не просто взволнованного, а слышимо дрогнувшего. – Слушай меня, Еси... Слушай и выполняй, бесценная моя девочка... Еще раз глубокий вздох и такой же неспешный выдох... Ров-

нее... Степеннее, – добавил Бог, ибо увидел, как резко затрепыхались окровавленные уста юницы свершающее вздох через рот. – Носом... носом, моя милая... Дыши носом.

Есинька немедля поправилась, и все еще оставив приоткрытым рот, начала дышать через нос, как и требовал Перший, делая неспешные и более ровные вздохи и такие же выдохи. Однако, вместе с налаживанием дыхания ноги судорожно затряслись, теперь не только в коленях, и девушку яростно мотнула вправо... влево.

– Надобно присесть, – заботливо произнес старший Димург и слегка вздев правую руку, повел ее влево, словно собирая в единое целое перьевую сизую дымку, плывущую по полу.

И вмале под сгибающиеся колени юницы подкатился круглый ком. Он легохонько толкнул Есиславу и тем движением принял в свое мягкое покачивающееся нутро, с ее падением сотворив в своей поверхности не только сидение, но и локотники, и высокий ослон.

– Вот теперь я думаю много лучше, – сказал Перший и, наконец, тронулся с места.

Бог направил свою медлительную поступь к сидящей и малость покачивающейся туды... сюды в облачном кресле девушке продолжая неотступно на нее глядеть. Его взор, точно наполненный марностью, обозревал Есиньку с головы до ног, явно беспокоясь, однако, не смея прощупать. Господь остановившись вельми близко, видимо в шаге, днесь глянул на нее сверху вниз и Есислава разобрала не только цвет его глаз многожды раз за последнее время проскользнувших в видениях, но и, в общем, черты лица.

– Ты, Перший... да? – чуть слышно спросила она и внутри ее глотки будто, что-то протяжно забурило, желая вырваться и плюхнуть кровавым сгустком.

Еще немного и Еси не смогла справиться с тем кровавым комком, он вместе со слюной вырвался из чуть приоткрытого рта и сызнова залил весь подбородок, да полотно белой годовщины на груди.

– Тише... тише, моя любезная. Поколь не надо толковать, лишь дышать, – Перший вроде и не говорил, он пел... уж так любовно, плавно плыли его слова. – И как я велел глубокий вздох... неспешный выдох... и носом. Ну, же, девочка, слушай меня, – ласково дополнил старший Димург, узрев, что девушка, прикрыв очи, не исполняет указанное. – Слушай меня, моя драгоценная... вздох... выдох и лишь носом.

Есислава медлила совсем малую толику времени, наслаждаясь таким ей близким, дорогим голосом Бога, а засим принялась дышать в такт его словам. Постепенно колотье в голове сошло на нет, пропало и дрожание плоти, осталась только слабость, будто она долго не ела и легкая дымка пред здоровым глазом, она как уже ведала Есинька, вскоре истончившись наполнит сам мозг.

– Молодец... замечательно, ты просто бесценность, – благодушно сказал Перший, стоя в такой близости от юницы, что своей дужей божественной силой окутывал ее. – Сейчас тебе надо попить чего-нибудь сладкого и все пройдет окончательно... Появятся силы.

Димург медленно протянул в направлении сидящей девушки руку с зажатым в перстах белым широким ручником, обшитым по рубежу серебристыми нитями.

– Вытри губы, девочка, – отметил Бог, передавая в руку Есиславы ручник, таким побытом, чтобы не коснуться ее.

Девушка взяв ручник и приткнув его к губам, однако заметила, что Перший побоялся до нее дотронуться аль просто не захотел, и ощутила внутри себя острую горечь, обманутых надежд.

– Тебе лучше, Еси? – с нескрываемой тревогой впрочем, спросил Димург и та его тревога живописалась в едва зримом колебании черт лица.

– Да, мне лучше, – несколько уклончиво отозвалась Есислава, убирая от губ окровавленный ручник и неотрывно глядя на Першего, страшась, что он также, как Стынь ее покинет или, что еще хуже, заставит унести отсюда тотчас.

– Как ты сюда попала? – очень мягко поспрашал Бог, стараясь теперь отвлечь от перенесенного юницу. – Хотя... можешь не отвечать. Я итак знаю. Стынь принес сюда, очевидно, решив излечить твой глаз. А где же он теперь?

– Куда-то ушел, – дрогнувшим голосом ответила Есислава и прикрыла очи, ощущая такую могучую слабость, коя не только оплела всю плоть, но и сделала деревянными стопы ног.

Яркая золотая искра в морг осветила залу, вызвав своей насыщенностью трепыхание в сомкнутом, здоровом глазе Еси так, что она не сразу его открыла. Когда же открыла, увидела не только враз возникшего Стыня, но и Мерика крепко удерживающего за лодыжку Трясцу-не-всипуху. Несмотря на свой, в сравнение с бесицей-трясавицей малый рост, Мерик был достаточно сильным. Потому плененная Трясца-не-всипуха, цепко обвитая его двумя ручищами, даже не вырывалась, вроде обреченной явившейся на казнь.

– Отец! – голос Стыня яро дернулся, ибо он первым узрел стоящего пред ним старшего Димурга.

– Господь Перший! – многожды тягостнее дыхнул Мерик и немедля разжал лодыжку бесицы-трясавицы, упав пред своим Творцом на пузо, оно как согнувшиеся вспять в коленях ноги не смогли удержать его.

Более одначе восторженно вскрикнула Трясца-не-всипуха, она также как черт повалилась на брюхо, при том вельми горестно захныкав, тем, верно, указывая Зиждителю, как сильно и неправедно была обижена.

– Да, мой бесценный, прибыл только, что, – нескрываемо нежно произнес Перший, единым взглядом оглядев сына и лежащих на полу созданий, а потом сызнава перевел взор на девушку.

– Я сейчас унесу Еси, – торопливо проронил Стынь, судя по всему, до конца не осознавший, что в его отсутствие с девушкой, что-то произошло и оттого резво шагнул в ее сторону.

– Не тронь, – непререкаемо властно дыхнул старший Димург, и повернув в сторону сына голову, силой собственного взгляда останавливая его поступь. – Прошу тебя, малецык, срочно призвать и встретить Небо и Асила у меня к ним разговор.

Стынь тревожно застывший на месте, резво оглядел Есиславу, сдержав свой взгляд на покрытой кровью годовщине, и не мешкая, качнув головой, направился вон из залы. Но только не так как раньше пропав из нее искрой, а вроде войдя в зеркальную стену и пустив по той глади рябь борозд. Как только младший Димург покинул залу, Перший воззрился на лежащих недалече на полу созданий.

– Мерик, – днесь голос Бога наполнился стылостью, коя точно вскинула с пуза черта и поставила на ноги, при сем не забыв низко пригнуть его голову. – Благодарю Родителя, что я занят, иначе не избежать тебе повторно каземата. Я отбуду на непродолжительное время, в мое отсутствие проверять состояние Господа Стыня, о всех несоответствиях немедля сообщать по контактной сетке мне... А теперь брысь отсюда, поколь я не передумал.

Мерик враз качнул своей головой, и вместе с ней дернулось его ухо, кончик которого порос тончайшими перепутанными меж собой розовыми волосками, а рубеж, украшенный девятью крупными густо красными рубинами, в такт тому полыхнул алыми отблесками. Гулко шелкнул черт каблуками своих коротких, с загнутыми кверху носами, фиолетовых сапожек, и развернувшись побежал к стене, в которой дотоль пропал Стынь на ходу помахивая мечом висящим на широком сыромятном поясе огибающим его стан. Это был не малый такой в длину меч, закругленный конец которого доставал до середины лодыжек Мерика. Меч крепился на поясе без каких-либо ножен, словно за серебряную рукоять купно украшенную, как и грибовидное навершие, крупными изумрудами и рубинами. По полотну его плоского клинка, переливающегося золотым мерцанием, шли махонистые доли, кои занимали не меньше трети ширины и немного суживались к завершию.

– И, да, Мерик, – вслед черту вельми недовольно отметил Перший. – Оболтус ты такой, кинжал сними, сколько можно о том сказывать. Не хватало еще, чтоб тебя с кинжалом увидел Воитель и расстроился, ибо дарил его не тебе воровливая бестолочь.

Мерик разком обхватил рукой покачивающийся взад... вперед меч, и, прижав к ноге шибутно пригнув голову нырнул в стену, отчего последняя, точно испугавшись, даже не пустила по зеркальной своей поверхности и малой ряби. И как только пропал черт, гулко всхлипнула дотоль лежащая на полу бесица-трясавица.

– Ну, чего... чего ты расхныкалась, Трясца-не-всипуха, – голос Бога наново зазвучал мягко. – Подымайся и принеси девочке чего-нибудь... У нее шла кровь, и ощущается слабость во всей плоти... Слышишь? – все также благодушно и вместе с тем властно дополнил Димург.

И бесица-трясавица подскочив на ноги, приоткрыв свой рот, да гулко хлюпнув, отозвалась:

– Господь Стынь заставил меня осмотреть госпожу. И я значимо почувствовала напряжение лучицы и охватившую ее боль.

– Боль? – переспросил Перший и теперь каждая жилка на его лице дрогнула, а полные губы затрепетали, так как дотоль трепетала плоть Еси.

– Да... боль, Господь Перший, очень резкая и сильная, – добавила Трясца-не-всипуха и внимательно зыркнув на сидящую девушку, своим одним оком, поспешила вон из залы, также, как и ушедшие до нее, тукнувшись в стену.

– Пусть, Стынь отнесет меня домой, – тихо протянула Есислава, потому как он мягкости, что плыла в тоне старшего Димурга при общении с сыном и созданиями, вновь почувствовала огорчение.

– Немного погодя, моя любезная девочка, – проронил Бог, вложив в каждое сказанное им слово еще больше нежности и теплоты, и тем, снимая горечь девушки. – Я, непременно, отправлю тебя домой, но погодя. Поколь, раз ты прибыла ко мне в гости, прошу тебя задержаться.

Перший теперь резко вздел руку и тем взмахом, словно сорвал со свода часть облаков да единожды сбросил их позадь себя, где они сформировались в виде пузатого кома, несколько топорщившегося своей угловатой макушке. Неспешно Бог опустил в облачные пары, и одним своим касанием, обратил ком в подобие кресла с высоким ослоном, и покатыми локотниками.

– А, где твой трон, простой... Как сказал когда-то Седми, у Отца все всегда просто, – молвила спрашивая Еси, узрев как желтоватая поверхность кресла Бога сменила тональность на более землистый цвет. – Тот, что находился в похожем на эту залу помещении. Там еще было ночное небо в своде и звезды... Ты, там принимал Владу.

И сызнова тугая боль дернула голову юницы и во рту стала ощущаться кислотовато-красная слюна.

– Не будем покуда о том говорить, – негромко протянул Перший. Он так и не оперся спиной об ослон кресла, всего-навсе обхватив перстами края облокотниц напряженно замер, взволновано всматриваясь в изменяющиеся от боли черты лица девушки.

В залу сквозь теперь явственно разошедшуюся на части зеркальную стену вернулась Трясца-не-всипуха, в руках сжимающая высокий прозрачный кубок на золотой ножке с колыхающимся внутри густым голубым напитком. Она торопливо направила поступь к креслу девушки, и, остановившись подле, протянула к ней сразу обе руки. Правую длань бесица-трясавица бережно подсунула под голову Есиньки, и, обхватив ее, немного приподняла с ослона. И тотчас приткнула к ее губам край кубка, принявшись медлительно поить принесенным вязким, сладко-терпким напитком, который не только снял с плоти последней слабость, но, и, надавив, вогнал в глубины желудка всю кровавую слюну. Бесица-трясавица влив в Еси весь отвар, убрала от ее губ кубок и левыми перстами прощупала на правом запястье пульс, загля-

нула, приподняв верхние веки, в оба глаза. При этом, испустив из своего единственного ока серый, разрозненный, тонкий луч, нежно огладивший кожу лица юницы.

– Что? – спросил Перший, стоило бесице-трясавице закончить свой осмотр и положить правую руку девушки на облокотницу.

– У госпожи вельми мощное утомление, нужен отдых, – торопко отчеканила Трясца-не-всипуха своим может и скрипучим, но ноне более не пискляво-хныкающим гласом, и развернулась в сторону, сидящего на супротив Еси, Бога. – Лучицу поколь лучше не колыхать... Наши предположения, думаю, правильны, раз вы Господь Перший тут и в мале отбываете.

– Отбываю к Родителю и, да, ваши с Отекной предположения правильны, – достаточно низко откликнулся старший Димург, словно стараясь скрыть прозвучавшую боль в голосе. – А, что с глазом у девочки?

– Орган погиб, зрение восстановить не удастся, Господь Перший, что в целом мы также предполагали. Сейчас лучшее, что можно предложить, это пересадка, – незамедлительно пояснила бесица-трясавица, и вельми гулко вздохнув, самую малость сотряслась всем телом.

– Ну, об этом позже... позже потолкуем не сейчас. Я улетаю вскоре. Все распоряжения, я уже отдал Отекной, потому как тебя не нашел, – много понизив тембр гласа, досказал Перший и неторопливо притулил спину к ослону кресла, тем самым потревожив допрежь, точно почивающую змею в венце незамедлительно отворившую свои очи и уставившуюся на бесицу-трясавицу. – Выдай свои рекомендации нежити, и снабди их необходимым лекарством в дорогу. Иди, поколь... если, что понадобится, я позову.

Трясца-не-всипуха шибутно кивнув ноне уже не раз, а как-то значимо многожды, поспешила вон из зала... оставив в ней сидящих друг напротив друга человека и Бога.

– Что такое пересадка? – спросила девушка, стоило им остаться в зале вдвоем.

Однаке, Бог все еще неотступно смотрящий на Еси, и в своем могутном росте делая ее совсем хрупкой, никак не отозвался.

– Почему ты мне не отвечаешь? – в голосе юницы послышалось недовольство и она легонько вздрогнула, не в силах переносить, как ей показалось безразличие старшего Димурга. – Ты на меня сердит?

– Сердит? – повторил Перший поспрашания, медленно растягивая слово. – Нет, моя дорогая мне не за что на тебя сердится, – добавил он, вкладывая в свою речь мягкость и вроде поигрывая тональностью звуков. – Я лишь встревожен твоим состоянием, посему отвечаю на те вопросы, кои тебя успокоят, а не принесут дополнительного волнения, – и Бог, наконец, улыбнулся девушке так, что по его полным губам в разных направлениях заструились крошечные золотые искорки.

Есинька узрела ту легкую зябь кожи Першего, и ощутила внутри мощное желание кинуться к нему, да, припав к груди, как она делала в отношении Липоксай Ягы, ощутить отцовскую любовь, ту самую в которой нуждался Крушец. Взгляд девушки, словно ведомый желанием лучицы просквозив по лицу Бога, прошелся по плечу и застыл на левом предплечье, лежащем на облокотнице. Тело Есиславы резко дернувшись, подалось вперед... туда к долгой, сухопарной руке Першего... Густой дымкой проплыло воспоминание... Темно-коричневая кожа, подсвеченная золотым сиянием на левой руке, смыкающая пред очами пространство густо запылала. Золотые крупные вроде капель искры купно облепили всю поверхность наружного покрова руки, полностью поглотив на ней коричневую. Еще миг и кожа натянувшись дала малую нитевидную трещинку, пролегшую от кончика указательного пальца вплоть до локтевого сгиба, а после резко разорвавшись, раздалась в стороны. И гулко прозвучал бас-баритон, единожды властно и полюбовно дыхнув: «Крушец! В род Оньянкупонг!»

– Ох! – тягостно дыхнула Еси, враз побелевшими губами, избавляясь от давно минувшего. – Как я устала... Устала от этих воспоминаний.

Девушка зараз сомкнула очи и глубоко задышала, так как делала всегда, тем изгоняя из головы дымчатость видений. Из правого глаза медленно на щеку выползла капля слезы и прочертив тонкую полоску, впиталась в поверхность кожи.

– Ну... ну, моя милая, – нежно проронил Перший, тревожно шелохнувшись в кресле. – Не надобно только плакать... Я уверен, в мале все приходящие воспоминания иссякнут, нужно только не волноваться... Еси, – молвил он погодя, явственно желая, чтобы девушка обратила внимание на его слова. – Сейчас в залу придут Боги Небо и Асил. Я прошу тебя не пугаться их, а ежели, ты почувствуешь сызнова боль или слабость начни глубоко дышать, как я тебя учил. – Димург на чуть-чуть смолк, и многожды понизив голос, дополнил, – Еси ты меня слышишь? Прощу, открой глаза... посмотри на меня.

– Когда я на тебя смотрю, вижу свое прошлое... Вижу рождение, рождение твоей лучицы... Твоего Крушеца... И ощущаю его тоску... боль, – звонко отозвалась Есислава, словно обвиняя Бога в испытываемых чувствах, и порывчато замотала головой, похоже, переполнившейся желанием Крушеца прикоснуться к своему Творцу. – Отправь меня домой! К Липоксай Ягы! Чтобы он... он... – глас девушки дрогнув затих и сама она вся замерла, болезненно прикусив нижнюю губу.

– Тише... тише моя девочка, – весьма настойчиво, если не сказать требовательно произнес старший Димург и та мощь, властность плотно окутала тело юницы слегка вроде как встряхнув. – Не надобно тревожиться, сейчас для тебя это недопустимо. Постарайся сохранять ясность ума и чувств... Думай о том, что близко тебе, о солнце, траве, листе... О брызгах воды, цветах... О малыше, что живет нынче в тебе. Перенаправляй свою тоску на то, что дорого тебе. И не дергай себя, поелику я верну тебя домой, к Липоксаю, только позже. Допрежь того нам придется с тобой кое-куда отправится, чтобы прекратить те болезненные воспоминания.

– Не хочу! Не хочу никуда отправляться, – обидчиво затрепетали уста девушки.

И теперь вся ее плоть, не только естество ощутили мощную волну огорчения, досады на Першего... Першего какового так жаждали увидеть, коснуться и каковой оказался таким черствым... черствым в отношении ее Еси, и болезненно стонущего Крушеца. Девушка будто и не замечала нежно-вкрадчивого голоса Бога, его успокоительно-ласкающий тембр, любовное величание. Ей, Есиньке, наблюдающей в воспоминаниях его поцелуи, объятия в направлении Владелины, стало непереносимо обидно, что Димург был так добр к ней в прошлой, как она считала, жизни и оказался столь равнодушен, холоден в этой.

– Днесь же... Днесь отправь меня домой! – негодуяще продышала Есислава, и, открыв очи, надрывисто дернулась в кресле, верно, пытаясь подняться на ноги и уйти.

Однако, юнице не позволили встать, и не столько Перший торопко вскинувший в ее сторону правую руку, сколько змея в наверхие его венца. Она внезапно резко открыла очи, и, обдав ярким изумрудным светом, чуть зримо шевельнула каждой своей чешуйкой, тем самым остудив желание Есиньки подняться. Змея теперь и вовсе широко раззявила рот, высунула оттуда почти рдяной раздвоенный язык, и, ошупав им пространство, раскатисто, что-то зашипела.

Глава одиннадцатая

А миг спустя в залу, как допрежь того входила Трясица-не-всипуха, вступили Асил и Небо, вначале младший из четверки Богов следом старший. Оба Зиждителя обряженные в серебристые распашные сакхи, с длинными рукавами да в своих величественных венцах, в одном из которых высилось платиновое древо, а в ином вращалась миниатюрная Солнечная система. Боги, сделав несколько широких шагов по полу залы, резко остановились. И Небо, а за ним и Асил в упор зыркнули на сидящую юницу. Прошел один морг, когда острая боль пробила голову Есиньки, и такая мощная, всепоглощающая, растворившая в себе не только досаду, испуг, но и, похоже, всю плоть. Боль грубо свела корчей руки, ноги, и с особой силу пронзила тело, точно стрела, войдя в макушку и выскочив, из желудка. Есислава не просто застонала, она громко закричала, и сама вся тягостно дернувшись, затряслась, смаглый луч выплеснулся изо рта, глаз, ушей и наново судорожно запульсировал.

– Не прощупывать! Прекратите оба! – повелительно произнес Перший, обращая ту молвь братьям.

Старший Димург торопливо поднялся с кресла, и, шагнув к девушке, вдавленной в ослон сизого облака, подергивающей всеми частями тела и единожды головой, стремительно поднял ее на руки. Бог немедля прижал напряженное тельце юницы к своей груди, и слегка развернув голову, приложился устами к ее лбу. Тем действием сразу притушив сияние выбивающееся из головы и вогнав обратно уже было выплюхнувшийся изо рта ком крови, и, несомненно, сняв огорчение от ощущаемого равнодушия Димурга.

– Что случилось Перший? – встревожено спросил Небо, также как и младший брат, не смея сойти с места.

– Лучица не позволяет себя прощупывать, – немедля пояснил старший Димург и приткнул голову уже обмякшей, расслабившейся в его объятиях юницы к своему плечу, теснее прижав ее тельце к груди. – Я, было, испугался, что лучица, таким образом отреагировала на встречу со мной, и потому не рискнул коснуться девочки. Но теперь уверен, сие новый сбой, как мы и предполагали болезнь нашей бесценной лучицы.

– Надо было, Отец, предупредить нас, что девочку нельзя прощупывать. Мы бы не стали, – взволнованно протянул Асил, и первым тронувшись с места, направился к старшему брату, который точно малое дитяtko прижимал к себе притихшую Еси.

– Нет... я сделал так нарочно, чтобы убедиться в моих предположениях, – неспешно отозвался Перший, – надобно было убедиться.

Меж тем старший Атеф приблизившись к брату, остановился подле. Он медлительно протянул в сторону головы девушки левую руку и кончиками перст нежно приголубил ее длинные, распущенные волосы. Крупные мурашки махом покрыли тело Есиньки и она тягостно дернулась, от близости тех с коими была едина своим естеством. Глухие рыдания нежданно вырвались из юницы, и горячие потоки слез стали заливать не только ее щеки, но и материю сакхи Першего. Сызнова порывисто вздрогнула вся ее плоть, а посем вроде окаменев, застыла, иначе, стенания не прекратив.

– Ну, милая наша, что ты? Что случилось? – любовно протянул Асил и положил на застывшую голову девушки, где волосы встали дыбом, всю ладонь.

– Вы... вы..., – прозвучало столь низко, смешиваясь с резкими рывками стона, не схожего с мягким голосом Есиславы и тотчас перста у нее на руках и ногах свела мощная корча так, что тело выгнулось дугой в районе позвонка. – Не слышите... Вы меня не слышите... Я кричал... звал... Мне так больно... больно, – низкое шептание срыву потухло и теперь проплыло лишь раскатистое всхлипывание, словно пронзительного стенания.

– Тише... тише, наш милый малецык... Наша бесценность, – продышал встревожено Перший и припал губами ко лбу девушки. – Прошу умиротворись... мы подле... подле тебя.

Тело юницы порывисто дернулось и немедля с него спала окаменелость, а с конечностей корча, вновь придав им вялость. А миг спустя прекратились всхлипы и рыдания, точно Еси потеряла сознание... однако все еще слышался вкрадчиво-нежный бас-баритон Першего, трепетно шепчущий в сам мозг:

– Остынь... моя бесценность... драгоценность... умиротворись... умиротворись...

Трепетные уста старшего Димурга более не касались лба Есиславы, и даже не ощущалось его столь надобной для Крушеца близости, вспять какая та сырость плыла подле нее. А может девушка просто покоилась во влажных, высоких травах неспешно покачивающих своими длинными отростками, усыпанных крупной росой и шепчущих полюбовные величания ей в уши... в мозг... в естество.

– И, что велел Родитель? – послышался бас-баритон Небо, единый голосу Першего, всегонавсего отличный малой властностью.

– Велел срочно привезти к нему девочку. Все, что давеча сказывали бесицы-трясавицы, подтвердилось. Наблюдается мощный сбой в кодировках. И теперь нашему малецыку помочь может лишь Родитель... Помочь... спасти от гибели нашего бесценного, дорогого малецыка, – отозвался Перший и тембр его гласа, болезненно дергался при каждом произнесенном слове. – Родитель попытается перекодировать лучицу.

– Перекодировать, – теперь в такт толкованию старшего брата озабоченно откликнулся Асил.

Пришедшая в себя Еси, открыла глаза, немного погодя сообразив, что лежит на правом боку, на облачном кресле, том самом оное возникло под ней из собранных мановением руки старшего Димурга сизых испарений. Впрочем, кресло, ноне многожды удлинившись, потеряло ослон и облокотницы, став похожим на широкий топчан. Оный поместился как раз между облачными креслами Першего и Небо, и расположенного напротив дымчатого сидалища Асила. Посему стоило Есиньке открыть глаза, как она увидела лицо старшего Атефа, каковой тотчас нежно ей улыбнулся. Рука Першего, это она понимала по особому чувству тепла, что пробежало по всей плоти, мягко коснулась ее головы. Тем движение Бог самую толику придавил ее к топчану, не позволяя подняться, единожды ласково приголубив дланью распущенные волосы.

– Ты думаешь, брат, у Родителя получится перекодировать лучицу... Это ведь не вновь рожденная лучица, а уже впитавшая в себя человеческую суть? – нескрываемо тревожно поспрашал Небо, и слегка подавшись вперед с кресла склонив голову, воззрился в лицо юницы.

А Еси нежданно резко качнула головой, так как порой изгоняла дымчатые воспоминания, ибо взглянув в лицо Небо, заметила его полную природность черт с Першим. Не только как оказалось голосом, но и образом, сиянием кожи, фигурой Рас был схож с Димургом, а разнился со старшим братом молочностью наружного покрова, цветом волос, брандой, усами и голубыми глазами.

– Не знаю... Ничего не знаю, малецык. Я и сам встревожен, если не сказать более, – Перший прервался, ощутив покачивание головы девушки.

Он, не мешкая, притулил к ее лбу перста, по-видимому, проверяя состояние Крушеца, и тот же миг застыли в своих желтоватых креслах его бранья.

– Впрочем, Родитель был хоть и обеспокоен, но достаточно бодр, – продолжил сказывать Перший немного погодя, все еще не отводя перст от головы девушки. – И успокаивал меня. Указав немедля привезти девочку, або тянуть нельзя. Судя по всему, сбой начался уже давно, и мы его не заметили. Эта порывистость, обрывочность воспоминаний говорит, что коли не принять в ближайшее время мер, девочка тронется умом... Мгновенно выйдет из работы

мозг, и нам уже будет не спасти лучицу. Не понимаю... не понимаю, как мы могли пропустить хворь. Ведь перед соперничеством проверяли лучицу бесицы-трясавицы. И я... я лично послал отображение Кали-Даруге, Родителю и получил от них разрешение... – Перста Димурга легкохонько затрепетали и, чтобы волнение не передалось Крушецу, он торопко убрал их от лба, принявшись голубить ей волосы. – Не ведаю, что и подумать, мой бесценный малецык, сколько он перенес боли, тревоги, в первой жизни... И вот наново началось. Я говорил Родителю, что это особая лучица, с особой чувствительностью и не надобно... не надобно с ней так грубо. – Бог слегка качнул головой, тем мановением стараясь скрыть обуявшее его расстройство, отчего вновь потревожил в венце змею, широко раскрывшую свою пасть и вывалившую оттуда голубоватый язык, принявшийся ощупывать собственную треугольную голову. – Родителю порой не втолкуешь ничего... А днешь и вовсе сказал, что коль ему не удастся снять болезненность лучицы, он возьмет ее возвращение на себя. А это значит, нарушит целостность Галактик. Он не позволит нам погубить лучицу, точно не сам в том все время участвовал, – негодуяще дополнил Перший, и враз сменил тон на значимо мягкий, – не позволит... Потому предупредил, что коль решит изъять лучицу пойдет на обесточивание Галактик.

– Когда ты полетишь? Или ты?... – не договаривая, спросил Небо, и с такой любовью и нежностью оглядел девушку... не прощупывая, однако точно взирая сквозь нее аль в самую глубь ее мозга.

– Полечу. Конечно, полечу. Не посмею подвергнуть опасности жизнь девочки. Она сейчас бесценна для нас всех, – досказал старший Димург, и, убрав руку от девушки, вероятно оставшись довольным ее состоянием и разрешив тем самым подняться. – Как только все будет готово к полету. И надо решить еще одно затруднение. Нужно, чтобы кто-нибудь из вас отправился со мной, абы девочка была опекаема нами двумя. Это единожды удержит от рывков лучицу, и думаю, успокоит ее во время полета.

Есислава неспешно поднялась с топчана и сев, тревожно обзрела Богов, понеже слушая их речь, кажется, только сейчас поняла, о чем они говорят... Говорят. Зиждители толковали о Родителе, к которому хотят ее отвезти. Родителю, как сказывал о нем Стынь, Верховному Божеству, Творцу Галактик лежащих окрест Млечного Пути, Истоку и Отцу всех четырех старших Зиждителей.

– Я не куда не полечу, – негромко отозвалась Еси, ощутив, как дикий страх окутал всю ее плоть и надавил на внутренности. Ибо находится подле этих трех старших Богов, было тревожно. И мощь Зиждителей чувствовалась не только в самом помещении залы, но и в каждом движении, каждом пророненном слове.

– Успокойся милая, успокойся, – достаточно ровно произнес Перший, и, подняв с облокотницу руку протянул ее в направлении юницы. – Пойдешь ко мне, любезная моя девочка? – перста Бога призывно дрогнули.

Они так легкохонько затрепетали, что Есислава не увидев, а почувствовав их движение, враз повернула голову в сторону Димурга и судорожно качнулась. Желая кинуться к тем перстам и утонуть в плывущей любви и одновременно не позволяя того себе сделать, так как, понимала, тогда она уступит требованию Першего и позволит себя увезти от Липоксай Ягы и Стыня. Димург узрев покачивание и борьбу, однозначно проходящую лишь в человеке, оно как Крушец пребывал сейчас в покое, поднялся с кресла, и, шагнув к облачному топчану на котором сидела Есинька, опустился пред ней на присядки. Спешно пыхнув, вроде выпустив из себя дым, собрался в пухлый ком под девушкой облачный топчан и разком, всколыхнувшись, приподнялся вверх так, что лицо ее оказалось напротив лица Бога... Лица такого дорогого... близкого... недоступного... к которому, единожды питали любовь Крушец и Есислава... любовь... И, несомненно, испытывали досаду лучица и плоть.

– Наша бесценность, – бас-баритон Першего заполнил своей мягкой, низкой певучестью всю залу и, словно заключив в объятия тело, волосы, губы облобызал, так как когда-то делали

пальцы демоницы Кали-Даруги. – Тебе нужно. Необходимо полететь со мной к Родителю. – Есиславушка слегка качнула головой, тем не менее, не в силах преодолеть мощь и властность голоса Бога. – Необходимо, чтобы прекратились воспоминания, каковые тебя мучают. Поверь, моя девочка, это будет не долгое путешествие, а после возвращения мы излечим твой глаз, и ты вернешься к Липоксай Ягы здоровой, бодрой, полной сил. Прошу, тебя, Еси согласится и не противится моим повелениям. Поелику я не могу нарушить волю Родителя и обязан тебя к нему привезти, но мне не хочется это делать силой или как-то воздействовать на тебя. Мне нужно, чтобы ты по доброй воле согласилась ехать, оно как сие надобно тебе... тебе, Еси.

– Оно надобно не мне, а вашей лучице, – в гласе девушке послышалась дерзость присутствующая не Крушецу, а человеку который обладал, по сути своей, непочтительностью к замыслам божьим и почасту поступал, нарушая предписанные ему законы, вскрывая выставленные в нем кодировки, ломая традиции, верования, согласно собственных разумений. – Лучица, лишь она для вас имеет значение... Лучица, которая живет во мне и все это время мучает... изводит меня... дотоль судорогами... теперь воспоминаниями и стенаниями.

– Ты и есть лучица, вы с ней единое целое... неразделимое, – мягко отметил Перший и удлинненным, конической формы указательным правым перстом провел по коже девушки очерчивая линию от переносицы по спинке носа, губам, подбородку, к шее, остановившись на материи небольшого стоячего воротника годовщины и резко дернув рукой вправо, с тем смахнул с полотна ткани бурые, засохшие пятна юшки.

– Нет не целое. Не всегда, только порой... Порой Крушец, это я, – слышимо только для Першего прошептала юница, ощущая на лица, где коснулись его перста кожи легкий трепет, точно разбежавшихся в разные стороны мельчайших мурашек.

Есислава самую малость неотрывно смотрела в крупные очи старшего Димурга, где верхние веки, образовывая прямую линию, прикрывали часть радужной темно-коричневой оболочки занимающей почти все глазное яблоко, окаймленной по краю тонкой желтовато-белой склерой. А после, очевидно, подталкиваемая Крушецом, раскрыла руки, и, обхватив Бога за шею, юркнув вниз прижалась к его груди губами, сомкнув очи, и тем действием разрешая себя увозить. Перший, незамедлительно поднялся на ноги, одной рукой удерживая юницу подле себя, осознавая, что поколь она так близка... она и согласна.

– Итак, брат, – тотчас молвил Небо, дотоль недвижно замерший в своем облачном кресле, как и старший Атеф, боявшийся спугнуть девушку. – Кто с тобой полетит?

– Асил, – тоном не терпящим возвращения сказал Димург, принявшись медлительно фланировать вдоль залы прижимая девочку к себе. – Здесь остается Опечь, а его поколь пугает общение с Асилом.

– Ты, обещал разрешить данную размолвку, Отец. Нам ведь нужно встречаться с малецыком, – удрученно откликнулся Атеф и в такт его приглушенному дыханию затрепетали в венце на платиновом древе все листочки, цветы и плоды, а веточки малешенька качнулись вниз... вверх одновременно всколывав дымчатые с рыхлыми боками облака в кресле.

– Конечно, мой дорогой малецык, – согласно отозвался Перший, на чуть-чуть останавливаясь обок сидящего в кресле младшего брата и перстами левой, свободной руки нежно провел по виску и его щеке. – Немного погодя, я все улажу... Но сейчас, моя бесценность, ты должен отправится к себе на батуру, и предупредить Круча и Отеть, что отбываешь... И пусть, малецык, здесь останется Небо. Он знает, как нужно вести себя с Опечем и Кручем, и, конечно, приглядит за Стынем, к каковому нужно иметь подход, ибо он в последнее время стал слишком малоуправляемым. Поколь я был у Родителя, Стынь принес сюда девочку, желая поправить ей глаз. И благом оказалось, что на тот момент Родитель отозвал Сириин-создание, ведь могла пострадать Трясца-не-всипуха, да и наше соперничество оказалось под вопросом.

Асил незамедлительно обхватил поглаживающую его руку старшего брата, и, прикинув устами к подушечкам его перст, нежно их облобызал. Лишь после того он медленно поднявшись с кресла, доколь, право молвить, застыл обок Димурга, с теплом поглядывая на девушку.

– Перший, – произнес Небо, также поднимаясь с кресла, да направляя свою поступь к стоящим братьям. – Мы же договаривались, – принявшись толковать мысленно, – договорились насчет отпрысков. Зачем было рвать девочку, ведь отпрысков первой плоти Дажба спас, – и голос его обидчиво звякнул, а в навершие венца яро блеснула золотой искрой звезда, первый признак, что Рас гневается. – Тем паче, это клетка Стыня.

– Стыня? – протянул по забывчивости вслух Асил и насмешливо зыркнул на Небо, словно радуясь тому, что младший Димург разрушил и его задумки.

– Сие не мои замыслы поверь, милый малецык, и посему не стоит на меня гневаться тем паче сейчас, когда я так расстроен, – отозвался достаточно холодно, хотя также мысленно, Перший, и не менее стыло взглянул на брата, иль тока на его венец, той мощью своего взора останавливая яркое свечение центра миниатюрной системы. – Я сам был недоволен поступком Стыня, но то все последствия предоставленной ему нами... Заметь Небо, нами всеми самостоятельности. Малецык привязался к девочке, и ребенком желал избавить ее от соперничества. Право он не стал разрушать твои задумки, мой дорогой, ибо заложил белую клетку. А вообще, нынче не зачем о том толковать... Так как ничего не ясно, ни в соперничестве, ни в существование плоти, ни в рождение ребенка. Лишь бы не получилось того, чего я так боюсь. И Родитель не изъял у нас лучицу, да тем самым не лишил возможности быть подле нашей драгоценности, и не обесточил с таким трудом обустроиваемые системы. На всякий случай Небо свяжись с Дивным, Велетом и Вежды, и сообщи им о таком возможном действе со стороны Родителя, и так как он сие свершит без предупреждения, как впрочем, и всегда, пусть малецыки предупредят особо дорогие нам создания о возможном отбытие.

Перший смолк, и, приголубив волосы девушки, точно проверив ее состояние и состояние лучицы, спустив с рук, поставил на пол. Однако, не отпустил от себя, а обхватив тремя перстами, придержал за плечо, одновременно прижав к своей ноге.

– Ну, вроде бы все решили... Ступайте, и выполните указанное, – сейчас Перший и вовсе сказал авторитарно и вслух, и сразу стало понятным, что он не просто старший Бог, а главный в четверке братьев, слову которого подчиняются безоговорочно.

– На чем полетим? – поспрашал Асил с нежностью оглядев стоящую подле брата девушку, и неспешно тронул свою поступь к стене.

– На векошке, – пояснил Димург и резко сомкнул очи, вместе с тем шевельнулась в навершие его венца змея, да сделав стремительный рывок вверх, выхватила из свода желтое волоконце облака, сбросив его под ноги своего носителя. И Еси вместе с тем падение нитевидного дыма услышала продолжительное шипение, вроде перемешивающее в себе отдельные слоги... обаче, не очень ясные. – Уже все готово Асил, потому поторопись, мой милый.

– Я скоро, – дополнил старший Атеф, вже входя в зыбкую поверхность зеркальной стены, поглотившей не только его фигуру, но и каждый листок платинового дерева в венце, оставив о себе памятью кружащие широкие круги.

Небо, подойдя к брату и юнице, опустился пред ней на присядки, и полюбовно воззрившись, неторопко протянул правую руку к ее лицу, указательным перстом едва дотронувшись до кожи лба. И немедля тело девушки, дрогнув, напряглось, тягостно дернувшись, запрокинулась назад голова, и если бы не поддерживающая ее рука Першего, она бы упала навзничь. Руки Еси, окаменев, плотно прижались к телу, и также энергично натянулась каждая жилка и черточка на лице, слегка даже поведя в сторону нижнюю челюсть и тем самым малеша приоткрыв рот.

– Ты, – едва шепнула Есинька, и густое смаглое сияние, выбившись из-под кожи, наполнило ее голову и лицо. – Ты, – Небо разком наклонился к юнице стараясь разобрать, что шеп-

чет она, вероятно выдохнутое из недр естества, – обещал, что я когда-нибудь смогу взлететь без крыльев. Но для того нужно было время и долгая поступь моих ног. Ты сказал, что со мной будет все благополучно... Одначе, нет... нет... не все благополучно... Плохо было тогда... а я не мог... не мог... не умел сказать... Ноне еще хуже... Ты, думаешь, что время... вроде давеча рожденного родника может неожиданно сменить направление и пробить себе новое русло... Ты не прав, я это понял, когда был там, вдали от вас в мироколице, свершая долгое движение. И, днесь, когда так долго взывал к вам... Ибо иноредь поступки столь малого создания, как человека, могут нарушить и божеские замыслы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.